
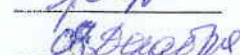

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
Кафедра гражданского права и процесса

РЕКОМЕНДОВАНО К ЗАЩИТЕ
В ГЭК

Заведующий кафедрой,
кандидат юридических наук, доцент
 Т.В. Краснова
 2019 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
магистра

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ

40.04.01 Юриспруденция

Магистерская программа «Гражданское и семейное право»

Выполнила работу
Студентка 4 курса
заочной формы обучения

Кузнецова
Алена
Михайловна

Научный руководитель
канд. юрид. наук

Кузнецов
Андрей
Витальевич

Рецензент
канд. юрид. наук, доцент
кафедры общественного здоровья
и здравоохранения ИНПР
ТюмГМУ Минздрава России

Горовенко
Сергей
Викторович

г. Тюмень
2019

Кузнецова Алена Михайловна. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный правоохранительными органами: выпускная квалификационная работа магистра : 44.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Гражданское и семейное право» / А.М. Кузнецова ; науч. рук. А.В. Кузнецов; рец. ; Тюменский государственный университет, Институт государства и права, Кафедра гражданского права и процесса. – Тюмень, 2019. – 98 с.: - Библиогр. список: с. 92-95 (85 назв.).

Ключевые слова: вред, гражданско-правовая ответственность, ущерб, условия возмещения вреда.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКО– ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.....	6
1.1. Сущность и особенности гражданско – правовой ответственности	6
1.2. Становление и развитие института возмещения вреда, причиненного правоохранительными органами.....	16
ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ	23
2.1 Условия возникновения гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный незаконными действиями должностных лиц при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности.....	23
2.3. Условия возмещения государством вреда, причиненного при отправлении правосудия	37
ГЛАВА 3. ПОРЯДОК И РАЗМЕР ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО НЕЗАКОННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ, ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ, ПРОКУРАТУРЫ, СУДА И ИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ	53
3.1. Определение размера возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, суда и их должностных лиц	53
3.2. Порядок возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, суда и их должностных лиц	78
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	89
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	92

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. По ст.53 Конституции РФ каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. Государство обязано в случае нарушения органами публичной власти и их должностными лицами прав, охраняемых законом, обеспечить потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (статья 52), а также государственную, в том числе судебную, защиту прав и свобод человека и гражданина (ч.1, ст.45; ч.1,2 ст.46).

Гарантии на возмещение вреда, в том числе причиненного необоснованным уголовным преследованием, указаны также в Конвенции о защите прав человека и основных свобод и в Международном пакте о гражданских и политических правах, утверждающих право каждого, кто стал жертвой незаконного ареста, заключения под стражу или судебной ошибки, на компенсацию и обязанность государства обеспечить эффективные средства правовой защиты нарушенных прав.

Работа в правоохранительных органах, в частности органах прокуратуры и предварительного следствия, связана не только с повышенным риском, но и ответственностью. Лица, работающие в данных органах - это люди, а людям свойственно ошибаться. Результатом такой ошибки является незаконно вынесенное решение, после чего причиняется вред гражданину.

Данную картину можно наблюдать в настоящее время повсеместно, в особенности по делам, фигурантами которых являются чиновники.

Все вышеизложенное определяет актуальность темы, ее теоретическую и практическую значимость.

Целью работы является исследование вопросов механизма привлечения к ответственности, за вред, причиненный незаконными действиями правоохранительных органов, анализ законодательства РФ,

регламентирующего правоотношения, связанные с возмещением вреда в современных условиях, изучение исторического опыта гражданско-правовой ответственности.

В соответствии с целями исследования необходимо решить следующие задачи:

1. Рассмотреть исторические аспекты развития законодательства, регулирующие вопросы ответственности за вред, причиненный незаконными действиями правоохранительных органов.

2. Исследовать основания привлечения к гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный незаконными действиями правоохранительных органов.

3. Выявить проблемы применения положений о гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный незаконными действиями правоохранительных органов.

Объектом исследования являются правоотношения по привлечению к ответственности, за вред, причиненный незаконными действиями правоохранительных органов.

Предметом исследования является действующее законодательство РФ, регулирующее правоотношения по привлечению к ответственности, за вред, причиненный незаконными действиями правоохранительных органов.

Методологические приемы исследования основываются на современных методах познания, а именно: исторического, сравнительного, анализа, изучение отечественной практики, специально-юридического, и сравнительно-правового, формально-логического и других.

Структура исследования включает в себя введение, три главы, разделенные на параграфы, заключение и список использованных источников и литературы.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКО– ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

1.1. Сущность и особенности гражданско – правовой ответственности

Понятие ответственности в рамках гражданского права играет очень важную роль. Гражданско-правовая ответственность представляет собой один из самых важных институтов, защищающий имущественные права физических и юридических лиц. Для отношений, регулируемых договорным правом, ответственность также играет огромную регулирующую роль.

Для юридической среды не является секретом, что несмотря на всю важность института ответственности, единого определения для него не существует ни в законодательстве, ни в юридической литературе. По мнению многих деятелей науки и некоторых практиков, данное явление вызвано отсутствием общего правового подхода в юридической среде, а также тем, что представление об ответственности не просто не однородно, а, зачастую, сильно размыто [77].

Однако большинство ученых сегодня определяют частноправовую ответственность именно как ретроспективную.

Для того чтобы определить сущность данного института, надо, в первую очередь, выделить его специфические черты. Для этого обратимся к доктринальным позициям.

Принято выделять следующие виды частноправовой ответственности: договорная и внедоговорная. Исходя из названий видов можно заключить, что договорная ответственность применяется, когда речь идет о неисполнении или ненадлежащем исполнении договорных обязательств, а внедоговорная – во всех остальных случаях. Интересна позиция некоторых авторов, которые практически отождествляют ответственность и наказание, очевидно, выводя карательную функцию на первое место. И.С. Самощенко

отмечает: «Наиболее часто за термином “ответственность” стоит либо “долг, обязанность”, либо “наказание”.[19, с. 11]

С этим мнением достаточно лаконично сочетается позиция Е. А. Суханова, о том, что гражданско - правовая ответственность является формой именно государственного принуждения, так как представляет собой судебное взыскание с правонарушителя в пользу потерпевшего имущественных санкций[20, с. 233].

Что касается особенностей, то, в первую очередь, это – возникновение неблагоприятных имущественных последствия для правонарушителя. Стоит сказать, что такая позиция получила превалирующее количество последователей. Иоффе О.С.[21, с. 97], Липинский Д.А., Попандуполо В.Ф.[22, с. 79-100], Суханов Е.А. [23, с. 587], Хачатуров Р.Л., Красавчиков О.А. и иные авторы сходятся во мнении, что, в первую очередь, санкции гражданско – правового характера воздействуют на имущественную сферу правонарушителя.[24, с. 65] Наиболее спорным остается аспект характера таких мер. Так, по мнению Красавчикова О.А. меры гражданско-правовой ответственности воздействуют исключительно на имущественную сферу правонарушителя, а не на его личность.[25] Смирнов В.Т., Собчак А.А. разделяют похожую точку зрения.[26, с. 49]

Иное мнение в литературе было воспринято довольно холодно и, соответственно, большой поддержки не получило. К примеру, Иоффе О.С. писал, что ответственность может стать причиной некоторых лишений не только имущественного, но и личного характера.[27, с.95] Однако каких – либо примеров лишений, соответствующих второму типу, автором приведено не было.

Во вторую очередь авторы выделяют компенсационный характер гражданско-правовой ответственности. Данный критерий, на наш взгляд, является особенно интересным, поскольку именно на нем строилась позиция примата гражданской ответственности на использование компенсационных мер. В прочем, невозможность такого определения будет рассмотрена нами

позднее.[28, с. 616] Стоит акцентировать внимание на том, что имущественная ответственность «связана» объемом возмещения, который должен соответствовать размеру причиненного ущерба. Основная цель потерпевшего, обратившегося за защитой, - не воспитать и наказать причинителя вреда, а также предупредить схожие правонарушения (в качестве одной из основных эти цели преследуются публично – правовыми видами ответственности), а восполнить свои потери за счет лица, которое обязано такие потери возместить (в большинстве случаев речь идет именно о причинителе вреда).

Ст. 15 ГК РФ устанавливает принцип полного возмещения причиненных потерпевшему убытков. Возможно отклонение от этого правила в сторону увеличения, к примеру, когда речь идет о защите прав потребителя.[1]

Еще одна отличительная особенность данного вида ответственности - наличие презумпции вины в гражданском праве. Стоит также отметить, что вина в гражданском праве - один из самых краеугольных камней преткновения. Данная категория остается таковой несмотря на относительно полную регламентацию в законодательстве.[29, с. 166]

Причиной такой «краеугольности» можно назвать и наличие ответственности без вины в ее классическом понимании. Этот критерий и определим еще одной отличительной чертой.

Однако не всеми признаётся существование в гражданском праве такой ответственности. Так, Красавчиков О.А. утверждал, что, если нет вины, то нет и ответственности. Это – классическое представление о публичной юридической ответственности. Однако безвиная ответственность была известна еще советской цивилистической науке и законодательству, а нынешнее законодательство прямо указывает на случаи привлечения к ответственности независимо от вины - в п. 1 ст. 1070, ст. 1095, ст. 1100 ГК РФ.[2] Такие исключения выстроены и сформулированы в соответствии с требованиями Постановления Конституционного Суда РФ от 25 января 2001

г. N 1-П "По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В.Богданова, А.Б.Зернова, С.И.Кальянова и Н.В.Труханова" [2], из которого следует, что «наличие вины - общий и общепризнанный принцип юридической ответственности во всех отраслях права, и всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т.е. закреплено непосредственно. Исходя из этого в гражданском законодательстве предусмотрены субъективные основания ответственности за причиненный вред, а для случаев, когда таким основанием является вина, решен вопрос о бремени ее доказывания».

Принуждение в сфере гражданско-правовой ответственности - еще одна категория, наполненная специфичностью. Иоффе О.С. отмечал, что в рассматриваемой сфере существует возможность применения ответственности даже в том случае, когда правонарушитель добровольно устранил последствия совершенного им правонарушения «в силу одной лишь возможности принуждения».[30, с. 98]

Нельзя не затронуть категорию «гражданское правонарушение». Детально данная категория будет рассмотрена в другом параграфе, поэтому на этом этапе определим:

1) Как было указано ранее, обязательное наличие вины для привлечения к гражданско – правовой ответственности не является аксиомой. Применение санкции только за совершенное правонарушение при наличии совокупности всех признаков – утверждение также не являющееся однозначно верным. Несомненно, привлечь к ответственности лицо без наличия правонарушения не представляется возможным. Однако гражданское право допускает возможность привлечения к ответственности лиц, не являющихся причинителями вреда. Взаимосвязь субъекта, привлекаемого к ответственности, с совершенным правонарушением в данном случае специфична. Она обусловлена взаимосвязью этого самого субъекта с другим субъектом – причинителем вреда. А точнее, обязанностью

первого по тем или иным причинам возместить причиненный вред, то есть, стать привлеченным к ответственности. Поэтому, по мнению, автора такие обстоятельства, которые напрямую вытекают из закона или договора, также можно отнести к основаниям гражданско – правовой ответственности. Такая позиция была предложена учеными Матвеевым Г.К., Алексеевым С.С.[31 с. 64] Причем, сформировано это мнение было не сразу: вначале оба автора определяли единственным возможным основанием состав гражданского правонарушения, позже они сошлись во мнении, что такое ограничение неверно.[32,с.8]

Таким образом, преобладающее количество авторов определяют гражданское правонарушение в качестве особо значимого факта, необходимого для наступления гражданско- правовой ответственности.

Наука гражданского права не содержит единого понятия терминов «основание» и «условия» гражданско-правовой ответственности. Во времена действия советского законодательства основанием юридической ответственности определялся исключительно состав правонарушения. Такой подход – результат заимствования позиции отрасли уголовного права.[33,с.43]

Одна группа теоретиков считала, что состав гражданского правонарушения - это набор определенных признаков правонарушения, характеризующих его как достаточное основание ответственности, другая группа – как совокупность общих, типичных условий, наличие которых необходимо для возникновения ответственности.[34,с.110] Представители более поздней эпохи - В.Т. Смирнов и А.А. Собчак – считали, что основание – это то, что порождает какое-либо явление, фундамент, на который последнее опирается и который определяет его природу. Условия – признаки, которые характеризуют основание и без наличия которых явление не может возникнуть.[35,с.34] Несмотря на относительно давнее появление такую позицию можно назвать наиболее точной. Именно она разграничивает

«условия» и «основания», определяет первые как требования закона, а вторые - как наличие вреда.

На основании изложенного, можно сделать промежуточный вывод: гражданско-правовая ответственность — это особая разновидность юридической ответственности, применяемая на определенных основаниях, главным из которых является гражданское правонарушение, и обеспеченная государственным принуждением, при которой противоправное поведение правонарушителя не только осуждается государством и обществом, но и влечет для правонарушителя дополнительные неблагоприятные имущественные последствия.

В заключение отметим, что законодательством не предусмотрено однозначное разделение гражданской ответственности на конкретные формы и виды. Однако автор находит следующую классификацию наиболее приемлемой.

Под формой гражданско-правовой ответственности следует понимать конкретную реализацию (выражение) неблагоприятных последствий, являющихся для правонарушителя обременениями и возлагающимися на него за совершение правонарушения. Основной формой частноправовой ответственности является возмещение убытков в полном размере. Данная форма является универсальной и применяется во всех случаях, когда законом или договором не предусмотрено иное. (ст. 15 ГК РФ). Среди остальных - уплата неустойки (ст. 330 ГК РФ), потеря задатка (ст. 381 ГК РФ) и иные. Эти формы не направлены на полное возмещение ущерба, понесенного потерпевшим, поэтому применяются только в тех случаях, когда их применение прямо закреплено в законе или договоре.

Е. А. Суханов[36,с. 514] выделял следующие виды гражданско – правовой ответственности:

1) В зависимости от оснований наступления - ответственность за причинение имущественного вреда и ответственность за причинение морального вреда. Если первый вид является неким универсальным

инструментом и, по общему правилу, применяется во всех случаях совершения соответствующего правонарушения, то второй вид – мера, реализующаяся лишь в случаях, предусмотренных законом напрямую. Также эта применение этой меры не связано с возмещением имущественного вреда и не состоит в какой – либо зависимости от него (ст. 1099-1101 ГК РФ).

2) О разделении ответственности на договорную и внедоговорную было сказано ранее. Необходимо добавить, что договорная ответственность является более «гибкой» для контрагентов, поскольку ее наступление может быть предусмотрено за те правонарушения, за которые законодатель не установил отдельной санкции. Размер санкции тоже нельзя назвать однозначно перманентным - стороны по соглашению вправе самостоятельно изменить его в ту или иную сторону. Ответственность внедоговорная же не подлежит деформации сторонами: применяются те меры и в том размере, которые императивно установил законодатель. Кроме того, название «внедоговорная» дает понять, что основание наступления такого неблагоприятного последствия обусловлено не нарушением обязательств, взятых стороной на себя по договору. Тем не менее, ст. 1084 ГК РФ установлена ответственность за причинение вреда жизни или здоровью гражданина из-за неисполнения договорных обязательств. Часто внедоговорная ответственность отождествляется с деликтной. Деликтные обязательства - это обязательства, возникшие из причинения вреда. По мнению автора, такое отождествление не вполне корректно, так как наступление внедоговорной ответственности обусловлено не только названным основанием, их перечень шире, он связан с границами, очерченными законодательством.

Российский законодатель, к прочему, выбрал путь, отличный от англо – американской системы и не допустил произвольного применения «конкуренции исков». Конкуренция исков - это явление, когда у истца имеется право предъявить к ответчику сразу несколько требований по защите одного и того же нарушенного права, однако удовлетворение хотя бы одного

из них автоматически исключает возможность предъявления и удовлетворения остальных. Российский законодатель прибегает к этой конструкции лишь в отдельных случаях, к примеру, если речь идет о защите прав потребителя, когда вред причинен недостатками приобретенного им товара.

3) В зависимости от круга лиц, обязанных отвечать за причинение ущерба, ответственность бывает долевой, солидарной или субсидиарной. Долевая ответственность означает, что каждый из ответчиков несет ответственность в точно определенной доле, установленной законом или договором. Например, наследники, принявшие наследство, отвечают по долгам наследодателя в размере действительной стоимости (доли) перешедшего к ним по наследству имущества. Стороны в договоре или законодатель в соответствующей статье закона вправе определить размер этих долей. Если специальное определение отсутствует, то доли считаются равными (ст. 321, 1080, п. 2 ст. 1081 ГК РФ).

Правила солидарной ответственности жестче, чем правила долевой. Потерпевший может предъявить требование как к одному ответчику, так и ко всем. Причем размер требования не ограничен: в случае, если ущерб не будет возмещен полностью, истец вправе обратиться к остальным ответчикам с тем же требованием, причем они останутся ответственными перед ним до момента полного удовлетворения требований. Однако после этого ответчик, за счет которого был удовлетворен интерес истца, вправе требовать выплаты соответствующей части с оставшихся ответчиков по правилам, установленным гражданским законодательством.

Сложность рассматриваемого вида является одной из причин, почему он применяется только тогда, когда это прямо предусмотрено договором или законом. Это, к примеру, неделимость предмета неисполненного обязательства (п. 1 ст. 322) и совместное причинение "внедоговорного" вреда (ч. 1 ст. 1080 ГК).

Решением суда солидарная ответственность может быть изменена на долевую. Однако обратная замена недопустима (ч. 2 ст. 1080 ГК РФ).

Последний подвид в данной группе - субсидиарная ответственность. Она представляет собой дополнительный вид, добавляющийся к той ответственности, которую несет основной правонарушитель (п. 1 ст. 399 ГК РФ).

Субсидиарная ответственность применяется и в случае, когда основным должник отказался от удовлетворения предъявленных к нему требований независимо от наличия реальной возможности эти требования удовлетворить. В области внедоговорных отношений применение субсидиарных отношений предполагает предварительное обращение взыскания на имущество основного должника. Это касается, например, дел о банкротстве, причинении вреда несовершеннолетними (п. 3 ст. 56, п. 1 ст. 75, абз. 3 п. 2 ст. 105, п. 2 ст. 1074 ГК РФ). То есть наличие вины в действиях субсидиарного ответчика предполагается.

Особенный случай - ответственность в порядке регресса. Она применяется тогда, когда одно лицо обязано отвечать за действия другого в силу закона (ст. 402, 403 ГК РФ). Это, в первую очередь, случаи, когда юридические лица и граждане-работодатели несут ответственность за вред, причиненный их работниками при исполнении своих трудовых обязанностей. Еще один вариант - когда хозяйственные товарищества и производственные кооперативы отвечают за вред, причиненный их участниками (членами) при осуществлении предпринимательской или производственной деятельности такой коммерческой организации (ст. 1068 ГК РФ).

Суть регрессной ответственности в том, что, возместив вред, причиненный лицом, работодатель, коммерческая организация вправе предъявить обратное требование к своему работнику или участнику соответственно (п. 1 ст. 1081 ГК РФ).

Таким образом, регрессная ответственность представляет собой институт, который позволяет и восстановить имущественный интерес

потерпевшего за счет лица, способного и обязанного это сделать, и на последующее восстановление имущественного интереса лица, этот вред возместившего.

Все вышесказанное позволяет сделать, как минимум, один вывод: в настоящее время достижения науки гражданского права превосходят достижения законодательного регулирования.

1.2. Становление и развитие института возмещения вреда, причиненного правоохранительными органами

В современном мире каждый человек хоть раз в жизни сталкивается с деятельностью правоохранительных органов. Вместе с тем, не всегда их акты и действия правомерны, все больше случаев, когда они по разным причинам нарушают законные интересы физических и юридических лиц.

Без эффективного механизма реализации права на защиту своих прав и законных интересов граждан в отношениях с органами государственной власти невозможно построение развитого гражданского общества и правового государства. Для этого необходимо наличие правовых гарантий контроля со стороны общества за деятельностью государственных органов, когда граждане могут пользоваться различными способами воздействия на власть, в частности судебным обжалованием актов, которые нарушают их права и законные интересы.

Вопрос об ответственности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда за вред, причиненный их незаконными действиями, является дискуссионным и актуальным на протяжении многих десятилетий в связи со столкновением двух противоположных по своей сущности сфер общественной жизни – публичной и частной. Так, вопросы об особенностях ответственности правоохранительных органов и механизме возмещения вреда поднимались еще в советском законодательстве, что

обуславливает необходимость исследования опыта регламентации данного института.

Впервые законодатель уделил внимание проблеме ответственности государства за незаконные действия правоохранительных органов в Гражданском кодексе РСФСР 1922 года. Так, в ст. 407 ГК РСФСР 1922 г. указывается, что «учреждение отвечает за вред, причиненный неправильными служебными действиями должностного лица лишь в случаях, особо указанных законом, если притом неправильность действий должностного лица признана подлежащим судебным или административным органом». Анализ данной нормы позволяет говорить о существовании на раннем этапе развития советского права принципа «безответственности государства» за вред, причиненный должностными лицами государственных органов, в том числе правоохранительных.[37,с.288]

Необходимо упомянуть, что специальный закон, в котором должен был быть закреплён перечень оснований и условий, при наступлении и соблюдении которых наступала бы ответственность «учреждений», так и не был принят, в связи с чем советские ученые характеризовали регламентацию института ответственности как фрагментарную, мозаичную.[38,с.8]

Прямо противоположная и более полная правовая регламентация данного института была дана в Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г. Стоит отметить, что в ГК РСФСР 1922 г. законодатель говорил об ответственности учреждений в целом, не разделяя их на органы управления и правоохранительные. Такая неопределенность была устранена с принятием Основ законодательства 1961 г., где в части первой статьи 89 содержались общие положения об ответственности государственных и общественных организаций и их должностных лиц, а часть вторая регламентировала ответственность правоохранительных органов, а именно органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда.[17]

Изложение части 2 статьи 89 Основ законодательства 1961 г. наиболее приближено к современной редакции ст. 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ). Так, из сравнительно-правового анализа двух норм следует, что перечень органов, действиями которых причинен вред, полностью совпадает, что свидетельствует о преемственности системы правоохранительных органов России; частично совпадает и перечень самих действий, причинивших вред гражданам (в норме Основ законодательства 1961 г. отсутствует такое действие, как применение меры пресечения в виде подписки о невыезде). Отличия возникают в связи с определением объекта, которому причинен вред: по советскому законодательству вред мог быть причинен и возмещен только гражданину, в связи с чем в норме не указано на незаконное привлечение к административной ответственности в виде административного приостановления деятельности юридического лица, несмотря на то обстоятельство, что гражданское законодательство того периода знало и закрепляло в нормативно-правовых актах положения, регламентирующие правовой статус юридических лиц. В современном же звучании данной нормы права ответственность возникает и перед гражданами, и перед юридическими лицами, что обуславливается совершенствованием гражданского законодательства.

Проводя анализ вышеуказанных статей, можно прийти к выводу о том, что, несмотря на более современное звучание нормы, изложенной в ст. 89 Основ законодательства 1961 г., законодатель все же перенял отрицательный опыт изложения нормы из ГК РСФСР 1922 г., сделав ее отсылочной. При этом специальный закон, в котором должен был быть установлен порядок возмещения вреда, так и не был принят законодательными органами. Данный факт свидетельствует лишь о том, что в обоих случаях нормы оставались «нерабочими».

Прорывом в правовом регулировании деликта, возникающего в результате неправомерных действий правоохранительных органов, стало

принятие 18 мая 1981 года Указа Президиума Верховного Совета СССР № 4892-Х «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей». Совершенствование нормативно-правового регулирования вопросов деликтной ответственности правоохранительных органов было обусловлено принятием Конституции СССР 1977 года, где в статье 58 закреплялось право граждан СССР на «возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей».[16] Впервые в истории России указанное право было закреплено в основном законе, в результате чего правовой статус государства был пополнен обязанностью возместить вред, причиненный гражданам. Кроме того, конституционно-правовое закрепление гражданско-правовой ответственности государства породило и немало проблем, связанных с ее непосредственной реализацией.

Статья 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР гласит: «Ущерб, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ, возмещается государством в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда.

Право на возмещение ущерба возникает при условии постановления оправдательного приговора; прекращения уголовного дела за отсутствием события преступления, за отсутствием в деянии состава преступления или за недоказанностью участия гражданина в совершении преступления; прекращения дела об административном правонарушении.

Ущерб не подлежит возмещению, если гражданин в процессе дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства путем самоговора препятствовал установлению истины и тем самым способствовал наступлению указанных в части первой настоящей статьи последствий».[15]

Интересен тот факт, что данный нормативно-правовой акт, будучи принятым около сорока лет назад, до сих пор является той основой, на которую опирается правоприменитель при решении вопроса об ответственности государства за действия правоохранительных органов. Так, в абзаце 1 пункта 2 Указа говорится о полном возмещении ущерба, при этом в абзаце 2 перечислены те условия, при наступлении которых действия правоохранительных органов считаются незаконными. На сегодняшний день незаконность действий правоохранительных органов, подтвержденная постановлением оправдательного приговора, прекращением уголовного дела за отсутствием события преступления, за отсутствием в деянии состава преступления или за недоказанностью участия гражданина в совершении преступления, прекращением дела об административном правонарушении, является основанием для возмещения вреда в гражданско-правовом порядке на основании норм ГК РФ и Указа 1981 года, в уголовном же судопроизводстве в такой ситуации у лица, подвергнутого незаконным действиями правоохранительных органов, возникает право на реабилитацию, которое включает в себя, в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом РФ право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах.[39,с. 98-102]

Следующая веха развития института гражданско-правовой ответственности государства за вред, причиненный органами дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда ознаменовалась принятием в 1991 году Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик. Норма, закрепленная в абз. 2 ч. 2 ст. 127 Основ законодательства 1991 г. является отправной точкой для развития практики возмещения вреда

государством юридическим лицам. Так, данная норма гласит: «Вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате иной незаконной деятельности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, возмещается на общих основаниях».[14] Формулировка «иная незаконная деятельность», в отличие от нормы, закрепленной в ст. 1070 ГК РФ, предоставляла правоприменителю возможность возмещать вред, причиненный юридическому лицу любыми незаконными действиями правоохранительных органов, на общих основаниях.

На сегодняшний день в отношении юридических лиц действуют иные правила: вред, причиненный в результате незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного приостановления деятельности, возмещается по ч. 1 ст. 1070 ГК РФ, а вред, причиненный юридическому лицу, но не повлекший последствия, указанного в ч. 1 ст. 1070 ГК РФ, то есть административного приостановления деятельности, возмещается по основаниям и в порядке, предусмотренным ст. 1069 ГК РФ.[2]

В рамках исследования темы о генезисе института гражданско-правовой ответственности государства за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, необходимо глубже исследовать вопрос о субъекте ответственности. Так, уже в ст. 407 ГК РСФСР 1922 г. законодатель установил право регресса учреждения к тому должностному лицу, которое своими незаконными действиями причинило вред гражданину. Данная норма звучала так: «Учреждение вправе, в свою очередь, сделать начет на должностное лицо в размере уплаченного потерпевшему вознаграждения».

Статья 89 Основ законодательства 1961 года прямо не указывала на возможность предъявления государством регрессных требований, при этом ответственность за причиненный должностными лицами правоохранительных органов вред по ст. 447 ГК РСФСР 1964 г. несли «соответствующие государственные органы», а статья 456 указанного закона

предусматривала право регресса лица, возместившего причиненный другим лицом вред.

В статье 1070 ГК РФ сказано, что вред «возмещается за счет казны Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законом, за счет казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования», а по статье 1071 ГК РФ за счет и от имени казны выступают соответствующие финансовые органы, которые и будут являться ответчиками по искам о возмещении вреда. Следовательно, в рассматриваемых случаях причинитель вреда и субъект ответственности не совпадают.

Таким образом, анализируя процесс становления рассматриваемого нами института можно прийти к выводу, что за продолжительный период существования нормы о возмещении государством вреда, причиненного правоохранительными органами, она претерпела колоссальные изменения: от принципа возмещения вреда «учреждениями», закрепленного в ГК РСФСР 1922 г. законодатель стремительно переходит к установлению принципа ответственности государства и возмещению вреда в полном объеме в Основях гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г., после чего в Основях гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. устанавливает ответственность государства и перед юридическими лицами, тем самым делая ответственность государства всеобъемлющей.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ

2.1 Условия возникновения гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный незаконными действиями должностных лиц при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности

Конституция Российской Федерации провозглашает право на жизнь, здоровье, честь и достоинство, как естественные и неотчуждаемые права личности, что обуславливает необходимость их эффективной правовой защиты.

Одной из основных задач правового государства является обеспечение справедливого восстановления нарушенных прав и возмещения причиненного вреда, в том числе и морального.

В соответствии со статьей 12 Гражданского кодекса Российской Федерации компенсация морального вреда является одним из способов защиты гражданских прав.

Статьей 151 ГК РФ определено: «в случае, если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

При определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Кроме этого, суд должен учитывать, степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред». При этом, законодатель не обязывает суд принимать во внимание индивидуальные

особенности причинителя вреда, его характеристики и тому подобное. Вместе с тем, законодатель исключил карательную суть правового воздействия на причинителя вреда при определении суммы, подлежащей взысканию, возлагая на институт компенсации морального вреда только функцию восстановления нарушенного права.

Стоит отметить, что взыскание морального вреда в Российской Федерации возможно и без вины причинителя, так на основании ст. 1100 ГК РФ «Компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда в случаях когда:

- вред причинен жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности;
- вред причинен гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ;
- вред причинен распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию;
- а также в иных случаях, предусмотренных законом».

Не смотря на то, что правовой институт компенсации морального вреда в отечественном гражданском законодательстве сравнительно «молодое» явление, он оказался довольно востребованным обществом.

В связи с чем, для развития и совершенствования указанного института в РФ, а также с целью формирования однородной правоприменительной практики Пленум Верховного суда Российской Федерации в своем постановлении от 20 декабря 1994 г. N 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» определил, что под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь,

здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина.

Моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и др.

Одним из условий наступления ответственности за причинение морального вреда является вина причинителя. Исключением могут стать только случаи, прямо предусмотренные законом. Такой подход законодателя, на наш взгляд, является оправданным, и защищает законопослушных ответчиков по делам о возмещении морального вреда от необоснованных решений, а отсутствие несправедливой и порой абсурдной судебной практики, оберегает суды от рассмотрения дел, в которых истец преследует цель обогащения, а не восстановления нарушенных прав.

Так, например, в странах с прецедентной (англосаксонской) системой права, (в практике США и Англии) есть судебные прецеденты, когда недобросовестные потребители, имеющие цель обогащения, требуют возмещения морального вреда, который им причинен в результате подачи им слишком горячего обеда или в случае, когда в инструкции по эксплуатации микроволновой печи производитель не указал, что в ней нельзя сушить домашних питомцев. Конечно нельзя говорить, что в судебной практике

Англии и США существует только парадоксальные случаи. Принимая во внимание длительное развитие института возмещения морального вреда за рубежом, России безусловно есть чему поучиться.

Принципы прецедентной правовой системы лежат в основе законодательства многих государств, в том числе в Англии и США, там вместо применяемого в России термина «моральный вред» используется термин «психический вред», под которым понимается: «психиатрический вред»; «нервный шок»; «нервное потрясение»; «обыкновенный шок»; «обыкновенное потрясение». В зависимости от применяемого термина суды различным образом подходят к установлению обязательств, вытекающих из причинения «психического вреда». Кроме того, законодательство Англии в отличие от российского законодательства, при определении размера компенсации при причинении психического вреда, учитывает не только само наличие вины, но и ее форму. То есть существует дифференцированный подход к задаче возмещения вреда. Кроме той функции (задачи), которую подразумевает российский законодатель при определении размера компенсации морального вреда – восстановление нарушенного права, английское законодательство допускает карательную функцию для причинителя такого вреда, в случае если вред был причинен умышленно. В таком случае сумма компенсации будет выше, чем в случае неосторожного причинения вреда и будет носить штрафной характер. Такой подход оправдан, так как если рассматривать обязанность выплаты денежной суммы, как наказание за какое – либо деяние, то субъективная сторона, то есть психическое отношение причинителя к содеянному, безусловно должно оказывать влияние на наказание.

Положительный пример законодательства, регулирующего подход к компенсации морального вреда - законодательство Германии, так например истцу, при тяжком повреждении его здоровья, вызвавшем прогрессирующее нарушение жизненных процессов в организме, за перенесенные страдания, могут быть присуждены периодические выплаты. В данном случае, на наш

взгляд, имеет место обдуманый подход к восстановлению нарушенного права, так как в результате нарушений жизненных процессов в организме, истец (потерпевший) может утратить трудоспособность, и его право нарушено не только к моменту подачи иска, но и в последующем. В связи с чем логично обязать причинителя вреда восстанавливать права истца до того момента, пока не пройдут последствия неправомерного деяния.

Указанные положительные примеры зарубежной практики в области возмещения морального вреда безусловно наложили отпечаток на формирование законодательства Российской Федерации в этой области, однако существуют проблемы, как при определении оснований для возмещения морального вреда, так и при определении размера компенсации, подлежащей взысканию. Основанием для возмещения морального вреда с точки зрения российского законодательства, является физические или нравственные страдания, пережитые гражданином. К нравственным страданиям относятся переживания, связанные с испытываемыми негативными ощущениями, открытым остается вопрос о том, что же такое физические страдания. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ говорится о физическом страдании, которое является одним из видов морального вреда, однако, что конкретно относится к моральным страданиям, так же не определяется.

Если рассмотреть моральный вред, как испытываемое страдание, то последствия от действий причинителя вреда должны найти отражение в психическом здоровье потерпевшего, в свою очередь неблагоприятные изменения в охраняемых законом благах потерпевшего, вызывать у него негативные ощущения, которые можно назвать физическими страданиями. Однако, это субъективное мнение, которое может подвергнуться критике, так как оно не отражено в законодательстве.

Статьей 1101 ГК РФ законодатель попытался урегулировать вопрос об определении размера компенсации морального вреда. Закон, в данном случае, говорит о том, что этот размер определяется судом в зависимости от

характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда. При определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости. Характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего. То есть в настоящее время, применим закон, который в полной мере предоставляет судье единолично принимать решение о сумме компенсации, при этом формируется практика, когда при схожих обстоятельствах суды могут принимать различные решения относительно размера компенсации.

При анализе сложившейся в России судебной практики по делам о возмещении морального вреда, можно сделать вывод о том, что размеры компенсации морального вреда не соответствуют принципу восстановления права, то есть в пользу истца взыскиваются ничтожно маленькие суммы. Из судебных решений следует, что индивидуальные особенности истца учитывается судом формально. В результате чего, можно сделать вывод о том, что такой способ защиты своих прав как компенсация морального вреда в Российской Федерации не совершенен и требует более жесткого (конкретного) законодательного регулирования. Прежде всего, изменения в законодательстве должны применяться к понятиям, используемым в нормотивно-правовом регламенте компенсации морального вреда, тогда решаться проблемы, связанные с неверной, а порой неоднообразной трактовкой положений законодательства, о которых говорилось выше.

Сегодня сформировано довольно много различных определений понятия гражданско-правовая ответственность. Некоторые авторы определяют гражданско-правовую ответственность, как санкции за правонарушение, представляющую для нарушителя отрицательные последствия - лишение субъективных гражданских прав или возложения дополнительных гражданско-правовых обязанностей.[40,с.37]

Гражданско-правовая ответственность возникает при наличии определенных обстоятельств, т. е. оснований. Основанием гражданско-правовой ответственности может быть совершение правонарушения, предусмотренного законом или договором, либо иное обстоятельство, которое предусматривает закон либо договор.

Гражданское право определяет презумпцию вины лица, причинившего вред. Как утверждает В. В. Витрянский, презумпция – значит лишь то, что предположение является достаточным основанием для признания лица виновным. На момент причинения вреда вина должна быть установлена. Лишь в этом случае она будет условием гражданско-правовой ответственности. Поэтому в нормативных актах, регулирующих отношения, правовое значение придается не наличию вины, а ее отсутствию, которое рассматривается в качестве основания освобождения от ответственности.

Понятие вины включает отношение правонарушителя не только к своему поведению, но и к последствиям своего поведения, и включает в себя: возможность предвидения последствий своего противоправного поведения, сознание возможности их предотвращения, по мнению В. П. Грибанова. В современном гражданском праве под виной понимается психическое отношение лица к своему противоправному поведению, его результату, которое основано на возможности предвидения и предотвращения последствий такого поведения.[41,с. 106]

Изучая и анализируя научные работы по рассматриваемой проблеме, соответствующие нормы гражданского законодательства, можно утверждать, что, что общим основанием гражданско-правовой ответственности является противоправное поведение лица, которое не исполнило или ненадлежащим образом исполнило обязательства, а также условия, которые отражают признаки возникновения конкретных видов общественных отношений ответственности - вина, вред (убытки), причинная связь между вредом и противоправным деянием.

Изучая проблему, можно сделать вывод, что презумпция виновности допускает возможность применения гражданско-правовой ответственности и без вины тогда, когда невиновному лицу не удастся доказать свою невиновность по каким - либо причинам, а это соответствует нормам Гражданского кодекса РФ, которые предусматривают исключения из принципа вины в гражданском праве (ст. 1070 ГК РФ). Вышесказанное дает основание считать, что презумпция вины – это законное, опровержимое, предположение виновности лица, которое причинило вред, не исполнило или ненадлежащим образом исполнило обязательство, будучи основным принципом защиты прав гражданско-правовой ответственности.

Исследуя многие регламентирующие правовые документы, действующее законодательство, мы не находим убедительного и четкого понимания термина «вред». А.В. Тархов утверждает, что термин «вред» в юридическом смысле предполагает всякое умаление (повреждение, порча, уничтожение) охраняемого законом блага.[42,с. 94]

В современной юридической литературе, уже достаточно давно утвердилось мнение, которое говорит о том, что основанием гражданско-правовой ответственности является гражданское правонарушение, состав которого образуется именно некой совокупностью условий, необходимых для привлечения к гражданско-правовой ответственности. На наш взгляд, здесь нужно немного условиться и остановиться на разграничении понятий «условия ответственности» и «основания ответственности» поскольку многие ученые находят этот вопрос толкования достаточно спорным.

Так, например, одни ученые, а именно М.М. Агарков и Е.А. Флейшиц считают, что данные понятия носят одинаковый смысл и не более. Другие же сторонники, такие как Н.И. Мирошникова и А.А. Коваленко, считают, что в юридической науке, необходимо данные понятия разграничивать, поскольку на их взгляд оба термина совершенно различны и каждый носит свой индивидуальный и юридический смысл. Соответственно, под «основанием

ответственности» следует понимать то, что порождает какое-либо явление.[43,с.121-123]

То есть на наш взгляд это некий фундамент, на который это самое явление опирается и определяет свою природу, а «условия» - это те признаки, которые характеризуют само основание и без наличия которых явление не сможет возникнуть. С данной точкой зрения можно согласиться лишь в части, поскольку как представляется, понятие «основания ответственности» является на самом деле шире, чем понятие «условия ответственности».

Третья точка зрения отчасти схожа с первой, но только лишь в том, что рассматриваемые понятия похожи и не требуют разделения, но согласно мнению таких ученых как С.Е. Донцов и М.Я. Маринина, «условия» и «основания» необходимо разделить на общие и специальные. [44,с.11]

Теперь, когда рассмотрено достаточное количество взглядов заслуженных ученых в юридической сфере, особенно, когда их мнения разнятся, то это намного интереснее и познавательней с той стороны, что позволяет сформировать определенный взгляд на рассматриваемый вопрос и попробовать обосновать следующим образом.

Итак, что касается нашего мнения, то оно будет сконструировано из двух вышерассмотренных позиций. А именно, с той стороны, что понятия «условия ответственности» и «основания ответственности» следует рассматривать как индивидуальные категории, так и с присущим им классификационным делением на общие и специальные.

Теперь необходимо пояснить обе составляющие данной точки зрения. Во-первых, относительно индивидуальности каждого понятия. Мы основываемся на том, что как уже было упомянуто выше, сама правовая категория содержания смысла понятий «условия» и «основания» несет различное толкование, чем и определяется их индивидуальность. А именно тем, что, на наш взгляд, условия – это некие элементы, предпосылки из которых формируются полноценные основания возникновения какого-либо факта. Так, например, основанием правонарушения является сам факт

совершения противоправного поведения, а уже все остальные элементы состава правонарушения будут условиями ответственности.

Во-вторых, относительно классификационного деления рассматриваемых понятий, то на наш взгляд, их необходимо разделить на общие и специальные. Как основания рассматривать и общими, и специальными, так и условия рассматривать с этой же стороны. Поскольку для возникновения ответственности, наличие общих условий (оснований) обязательно и лишь в законе указываются обстоятельства, когда условия (основания) становятся обязательными. А именно, относительно специального субъектного состава, где говорится про должностное лицо, наделенное властными полномочиями, и про характеристику его деятельности, то что она должна носить служебный характер.

Перед тем, как перейти к рассмотрению конкретных условий возникновения гражданско-правовой ответственности, хотелось бы заострить внимание на причинах такого обилия различных споров, относительно содержания «условия» и «основания» возмещения вреда, причиненного актами правоохранительных органов. Думается, что такая ситуация сложилась именно из-за некорректного толкования нормативных актов, даже скорее из-за неясности норм закона, которые порождают множество противоречий их понимания. А также, причиной может служить и тот факт, что в современной юридической литературе данные понятия недостаточно разработаны и находятся на стадии конкретизации.

На наш взгляд, для того чтобы была сформирована одна правовая категория для спорных определений уже существуют хорошие предпосылки, и они все давно рассмотрены многими учеными, приведены в данном анализе и некоторые находят свое отражение в законах. Поэтому все что осталось сделать, это лишь предпринять попытку воедино соединить все важные факторы, которые не будут порождать множество мнений.

Завершая рассмотрение содержания понятий «условия» и «основания», необходимо сказать, что наличие вреда, является самым главным условием,

которое просто необходимо для возникновения обязательств из причинения вреда.

После того, как мы рассмотрели содержание понятия «условия» необходимо проанализировать их более детально, с целью изучения его состава из причинения вреда действиями правоохранительных органов. Итак, как выяснилось выше, для возникновения обязательства, необходимо такое условие, как наличие вреда. Соответственно, к негативным последствиям относятся нарушения прав и свобод человека и гражданина, ущемление интересов как личности, так и общества. Поскольку в первую очередь, акты правосудия затрагивают именно этот аспект человеческой жизни в рамках юридического закона. Поэтому вред будет подразумевать под собой и физическую составляющую и моральную, и психологическую, и материальную в большинстве жизненных случаях.

Следует отметить, что каждый вид вреда, который причиняется гражданину, сказывается на нем крайне негативно. Поэтому, можно предположить, что правоохранительные органы своими действиями (бездействиями) даже в силу наделения их определенными полномочиями могут нанести вред лицу, тем самым нарушая нормы закона.

Причем под бездействием следует понимать случаи, когда на причинителе вреда лежала обязанность совершить определенные действие, а он по необъяснимым причинам их не совершил.

Для того чтобы определить рассматриваемое соответствие, следует обратиться к ст.1070 ГК РФ, где она будет играть важную роль в установлении баланса между затрагиваемыми нормами уголовно-процессуального права и конституционным. Нужно отметить, что отношения, которые закреплены в нормах ст.1070 ГК РФ нашли свое отражение в главе 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, которые в свою очередь посвящены вопросам реабилитации.

Говоря о праве на реабилитацию, то оно включает в себя право на возмещение имущественного вреда и восстановление в трудовых,

пенсионных, жилищных и иных правах. Однако, как бы ни было печально, но на сегодняшний день, в практической деятельности правоохранительных органов нередки случаи незаконного уголовного преследования. В результате которого потерпевшие несут бремя доказывания своей непричастности и вследствие чего имеют право требовать возмещения им морального вреда в рамках гражданского судопроизводства. Примером может служить судебная практика города Ярославля. А именно, на основании решения Дзержинского районного суда г.Ярославля от 27 мая 2015 года № 2-2077/2015 гражданка Булатова Н.В. получила компенсацию морального вреда именно за незаконное уголовное преследование.[75]

Как следует из анализа, рассмотренного решения, в отношении гражданки Булатовой Н.В. 08 февраля 2006 года было возбуждено уголовное дело, по факту хищения вверенных ей денежных средств в размере 7000 рублей. Со слов Булатовой Н.В. такие действия она не совершала и всячески пыталась вместе с адвокатом доказать свою невиновность. Однако, либо из-за статистики следствия, либо по иным причинам СУ УМВД России по г.Ярославллю рассмотрение указанного дела растянуло на 8 лет. И лишь 27 мая 2015 года было принято окончательное решение о выплате компенсации морального вреда в размере 700000 рублей в пользу Булатовой Н.В. Хотя изначально гражданка требовала 1500000 рублей ей удовлетворили требования лишь в части. Согласно ч.ч.1 и 2 ст.1101 ГК РФ компенсация морального вреда осуществляется в денежной форме, а ее размер определяется в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и имущественных страданий. В рассматриваемом случае к гражданке Булатовой Н.В. была применена мера пресечения в виде отстранения от своей должности главного бухгалтера на срок 3 года и 1 месяц, вследствие чего не могла получать заработную плату, а на ее иждивении находились несовершеннолетний сын и пожилая мать.

Также в отношении Булатовой Н.В. была избрана мера в виде подписки о невыезде сроком свыше 13 месяцев, что впоследствии судом было

признано незаконно, применение такого срока. В результате всех этих действий, которые продолжались 8 лет, гражданка заработала множество заболеваний на нервной почве. И именно учитывая данные обстоятельства суд и принял решение о компенсации морального вреда в размере 700000 рублей.

На наш взгляд решение принято с учетом принципом соразмерности причиненного вреда и было проанализировано всесторонне. Поэтому, в большинстве случаев, должностные лица при исполнении своих должностных полномочий, их превышают. Но стоит отметить, что превышают, зачастую, очень грамотно и иногда судебные инстанции и иные органы не могут доказать обратное. Поэтому и происходит на практике нарушение субъективных прав граждан.

Однако в рассмотренном решении судебная инстанция смогла увидеть причиненный гражданке вред и принять решение о компенсации ей морального вреда. Для сравнения оснований для выплаты компенсации морального вреда можно так же обратиться к другому решению Дзержинского районного суда г.Ярославля от 26 января 2017 № 2-352/2017 по делу гражданина Мишина А.И. [76] В данном деле Мишин А.И. требовал выплаты компенсации морального вреда в связи с утратой сотрудниками дежурной части полиции сотового телефона и СИМ-карты в ходе личного досмотра при задержании, что по его словам, причинило ему душевно-нравственные страдания, поскольку была безвозвратно утрачена вся информация. Размер компенсации гражданин определил 1000000 рублей. Суд с учетом всех обстоятельств отказал в удовлетворении данного требования, ссылаясь на то, что по заявлению владельца восстановить СИМ-карту можно и что истцом не представлено доказательств о нарушении его личных неимущественных прав и других нематериальных благ, утрата имущества (сотового телефона) к нарушению таких прав не относится.

Соответственно, для того, чтобы получить компенсацию морального вреда, истец должен доказать, что у него имеются все основания на ее

получение в соответствии с нормами законодательства РФ. Другим необходимым элементом состава гражданского правонарушения является причинно-следственная связь между противоправными действиями (бездействием) и наступившим вредом. Но следует рассмотреть причинно-следственную связь не между конкретными действиями сотрудников правоохранительных органов, а между актами процессуального характера государственных органов и наступившими последствиями их принятия.[78]

Итак, ст. 1070 ГК РФ определяет условия для возмещения вреда: незаконное привлечение к уголовной ответственности, незаконное осуждение, незаконное заключения под стражу (подписка о невыезде), незаконность наложения ареста, исправительных работ.

Государство и Конституция РФ гарантируют право на возмещение вреда. Таким образом, в законодательстве следует расширить перечень незаконных действий (бездействий), перечисленных в п. 1 ст. 1070 ГК РФ, и предусмотреть такие основания, как незаконное применение принудительных мер медицинского характера, воспитательного воздействия; помещение подозреваемого(обвиняемого), не находящегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар (с целью производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы); выемку документов(предметов), содержащих охраняемую федеральным законом тайну, документов, содержащих информацию о вкладах, счетах в банках, кредитных организациях.

Подводя итоги, отметим, что нормативная регламентация гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, основывается на приоритете гражданско-правового регулирования.

2.3. Условия возмещения государством вреда, причиненного при отправлении правосудия

В соответствии со статьей 53 Конституции РФ каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

Согласно статьи 16 Гражданского кодекса РФ убытки, причиненные гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, в том числе издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежат возмещению Российской Федерацией, соответствующим субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием.[79]

Гарантии на возмещение вреда, в том числе причиненного необоснованным уголовным преследованием, указаны также в Конвенции о защите прав человека и основных свобод и в Международном пакте о гражданских и политических правах, утверждающих право каждого, кто стал жертвой незаконного ареста, заключения под стражу или судебной ошибки, на компенсацию и обязанность государства обеспечить эффективные средства правовой защиты нарушенных прав.

В соответствии со ст. 133 УПК РФ право на реабилитацию, в том числе право на возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием, имеют:

- 1) подсудимый, в отношении которого вынесен оправдательный приговор;
- 2) подсудимый, уголовное преследование в отношении которого прекращено в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения;

3) подозреваемый или обвиняемый, уголовное преследование в отношении которого прекращено по основаниям, предусмотренным статьями 24, 27 УПК РФ;

4) осужденный - в случаях полной или частичной отмены вступившего в законную силу обвинительного приговора суда и прекращения уголовного дела по основаниям статьи 27 УПК РФ;

5) лицо, к которому были применены принудительные меры медицинского характера, - в случае отмены незаконного или необоснованного постановления суда о применении данной меры.

Право на возмещение вреда в порядке, установленном настоящей главой, имеет также любое лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу.

Как следует из ч.1 ст.135 УПК РФ возмещение реабилитированному имущественного вреда включает в себя возмещение заработной платы, пенсии, пособия, других средств, которых он лишился в результате уголовного преследования, конфискованного или обращенного в доход государства на основании приговора или решения суда его имущества, штрафов и процессуальных издержек, взысканных с него во исполнение приговора суда, сумм, выплаченных им за оказание юридической помощи, иных расходов.

В апелляционном постановлении судьи Верховного суда РТ от 27 октября 2017 года указано, что для решения вопроса о возможности компенсации затрат на оказание юридических услуг суд должен установить следующие обстоятельства: были ли расходы и были ли они по-настоящему необходимы, объем работ и квалификация субъектов оказания юридических услуг. Аналогичная правовая позиция изложена Конституционным судом РФ в Определении от 2 апреля 2015 года №708-0.

В отличие от всех остальных должностных лиц суды несут имущественную ответственность (как один из способов восстановления права) не во всех случаях признания решения или иного судебного акта

незаконным (например в случае отмены судебного акта судом апелляционной или кассационной инстанций), а лишь в случае привлечения судьи к уголовной ответственности по упомянутой выше ст. 305 Уголовного кодекса РФ. При этом возникновение у органов государственной власти и местного самоуправления обязательства по возмещению вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием), не обусловлено привлечением их должностных лиц к уголовной ответственности за те или иные преступные деяния.

Говоря более простым языком, орган государственной власти возмещает лицу вред, причиненный незаконным решением — действием (бездействием), также и в том случае, если незаконность такого решения проистекает из банальной ошибки при принятии решения, то есть в результате неосторожности, а не только умысла. Соответственно привлечение тех или иных должностных лиц госорганов (всех органов, кроме судов) к уголовной ответственности вовсе не обязательно для последующей компенсации государством причинённого незаконным решением ущерба.

Что же касается судов, то получается, что государство по незаконным решениям судов несёт имущественную ответственность исключительно только, если судья, вынесший такое решение, имел умысел на вынесение именно заведомо незаконного судебного акта. Иными словами, за судебные акты, вынесенные в результате допущения судьей ошибок в оценке доказательств, в толковании норм права или в результате банального незнания норм материального и/или процессуального права, государство не несёт имущественной ответственности. Из этого вытекает вывод, что суд, как субъект публичных правоотношений обладает, по сути, пониженной ответственностью (либо серьёзно ограниченной ответственностью) за принимаемые решения в сравнении с иными государственными гражданскими служащими.

Данную ситуацию в какой-то мере разрешил Конституционный Суд Российской Федерации постановлением от 25 января 2001 г. N 1-П «По делу

о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова». Конституционный Суд РФ вышеуказанным постановлением решил признать не противоречащим Конституции Российской Федерации положение, содержащееся в пункте 2 статьи 1070 ГК Российской Федерации, согласно которому вред, причиненный при осуществлении правосудия, возмещается в случае, если вина судьи установлена приговором суда, вступившим в законную силу, поскольку на основании этого положения подлежит возмещению государством вред, причиненный при осуществлении правосудия посредством гражданского судопроизводства в результате принятия незаконных судебных актов, разрешающих спор по существу.

Данное положение в его конституционно — правовом смысле, выявленном в данном Постановлении, и во взаимосвязи со статьями 6 и 41 Конвенции по защите прав человека и основных свобод, не может служить основанием для отказа в возмещении государством вреда, причиненного при осуществлении гражданского судопроизводства в иных случаях (а именно когда спор не разрешается по существу) в результате незаконных действий (или бездействия) суда (судьи), в том числе при нарушении разумных сроков судебного разбирательства, — если вина судьи установлена не приговором суда, а иным соответствующим судебным решением.

Как видно из постановления, оно касается вопроса о возмещении ущерба, причинённого незаконным судебным актом, носящим исключительно процессуально-правовой характер, т. е. которым не было рассмотрено дело по существу. Однако, Конституционный Суд РФ в вышеупомянутом постановлении коснулся в мотивировочной части также и судебных актов, оканчивающих спор по существу, т. е. имеющих материально-правовую сущность. Так, например, в пункте 4 вышеуказанного постановления указано, что отправление правосудия является особым видом осуществления государственной власти. Так, Конституционный Суд указал,

что применяя общее правовое предписание (норму права) к конкретным обстоятельствам дела, судья дает собственное толкование нормы, принимает решение в пределах предоставленной ему законом свободы усмотрения (иногда весьма значительной) и зачастую оценивает обстоятельства, не имея достаточной информации (иногда скрываемой от него). В том же пункте указано, что при столь большой зависимости результата осуществления правосудия от судебской дискреции разграничение незаконных решений, принятых в результате не связанной с виной ошибки судьи и его неосторожной вины, представляет собой трудновыполнимую задачу.

Поэтому участник процесса, в интересах которого судебное решение отменяется или изменяется вышестоящей инстанцией, может считать, что первоначально оно было постановлено не в соответствии с законом именно по вине судьи. В этих условиях обычное для деликтных обязательств решение вопроса о распределении бремени доказывания и о допустимости доказательств вины причинителя вреда могло бы парализовать всякий контроль и надзор за осуществлением правосудия из-за опасения породить споры о возмещении причиненного вреда.

Кроме того, в последнем абзаце пункта 4 рассматриваемого постановления указано, что исходя из указанных выше особенностей гражданского судопроизводства и учитывая, что активность суда в собирании доказательств ограничена, законодатель вправе связать ответственность государства за вред, причиненный при осуществлении правосудия (т.е. при разрешении дела по существу) посредством гражданского судопроизводства, с уголовно наказуемым деянием судьи — в отличие от того, как это установлено для случаев возмещения вреда, повлекшего последствия, предусмотренные пунктом 1 статьи 1070 ГК Российской Федерации, в соответствии с которым ответственность государства наступает независимо от вины должностных лиц суда. В этой связи оспариваемое положение не противоречит Конституции Российской Федерации.

Иными словами, Конституционный Суд РФ в данном случае полагает, что вынесение законного или незаконного решения фактически зависит не только от самого суда, но и от лиц, участвующих в деле и их представителей — то есть и выводит из этого необходимость обусловливания имущественной ответственности судов наличием умысла у судьи на вынесение заведомо неправосудного судебного акта и обосновывает это, по сути, тесным переплетением процессуальных функций спорящих (состязающихся) сторон и функций суда.

В то же время существует мнение того же самого Конституционного Суда РФ по иному вопросу (а именно по вопросу правомерности так называемого «гонорара успеха» при определении сторонами договора об оказании юридических услуг условий о его оплате) о том, что функции спорящих сторон и суда отделены друг от друга и вынесенное судом решение является не продуктом деятельности представителя спорящей стороны, а решением государственного органа — независимого суда. Собственно, из этого Конституционный Суд РФ делает вывод о неправомерности «гонорара успеха». Подобное изложено в постановлении Конституционного Суда РФ от 23.01.2007 N 1-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью „Агентство корпоративной безопасности“ и гражданина В.В. Макеева», где в 4-ом и 5-ом абзацах пункта 2.2. изложено следующее (дословно): «Свобода договора имеет и объективные пределы, которые определяются основами конституционного строя и публичного правопорядка. В частности, речь идет о недопустимости распространения договорных отношений и лежащих в их основе принципов на те области социальной жизнедеятельности, которые связаны с реализацией государственной власти. Поскольку органы государственной власти и их должностные лица обеспечивают осуществление народом своей власти, их деятельность (как сама по себе, так и ее результаты) не может быть

предметом частноправового регулирования, так же как и реализация гражданских прав и обязанностей не может предопределять конкретные решения и действия органов государственной власти и должностных лиц.

Применительно к сфере реализации судебной власти это обуславливается, помимо прочего, принципами ее самостоятельности и независимости (статья 10; статья 11, часть 1; статьи 118 и 120 Конституции Российской Федерации, статья 1 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации»): правосудие в Российской Федерации согласно Конституции Российской Федерации осуществляется только судом, который рассматривает и разрешает в судебном заседании конкретные дела в строгом соответствии с установленными законом процедурами конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства (статья 118, части 1 и 2) на основе свободной оценки доказательств судьей по своему внутреннему убеждению и в условиях действия принципа состязательности и равноправия сторон (статья 123, часть 3, Конституции Российской Федерации), предопределяющего, что функция правосудия в любой его форме отделена от функций спорящих перед судом сторон. ».

Из изложенного можно сделать вывод, что Конституционный Суд РФ в целом противоречит себе же, в одном случае придерживаясь мнения о том, что функции спорящих сторон и суда отделены друг от друга, а в другом — противоположного мнения. Полагаем необходимым сравнить основания наступления имущественной ответственности у субъектов хозяйственных отношений, связанных с оказанием правовых услуг. Так, например, юридическая компания несёт имущественную ответственность за некачественно оказанные правовые услуги и примеров реализации подобной ответственности на деле не мало (достаточно наличия обстоятельства некачественности проделанной работы для наступления подобной ответственности).

В то же время государство по результатам отправления правосудия (фактически также правовой работы, как и в случае с юридической компанией) несёт имущественную ответственность — возмещает причинённый вред лишь при условии умышленного вынесения судьёй заведомо неправосудного решения, приговора или иного судебного акта (по крайней мере судебного акта, имеющего материально-правовое значение). Понятно, что деятельность по отправлению правосудия ни в коем случае не является юридическими услугами, но она в любом случае как и юридические услуги является правовой работой (равно как и любая государственно-управленческая деятельность по своей сути имеет свои аналоги в тех или иных разновидностях услуг — информационных, консультационных, управленческих и т.п.).

К тому же сама правовая работа спорящих сторон фактически влияет на функцию отправления правосудия и тесно связана с этой функцией и фактически является частью данной публичной функции, что признано Конституционным Судом РФ в приводившемся выше постановлении от 25 января 2001 г. N 1-П пусть даже и с обратными выводами по данному вопросу в постановлении Конституционного Суда РФ от 23.01.2007 N 1-П, касавшемся проблемы «гонорара успеха».

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что Конституционный Суд РФ поставил суды в несколько привилегированное положение в плане понесения имущественной ответственности за некачественную работу (незаконные судебные акты, вынесенные без умысла на то) по отношению как к иным органам государственной власти (несущим подобную ответственность за любые незаконные действия и бездействие), так и к участникам судебных процессов. Права спорящих сторон на получение компенсации за подобные неправосудные судебные акты, при этом, резко ограничены необходимостью привлечения конкретного должностного лица к уголовной ответственности.

В результате подобного толкования закона Конституционным Судом РФ в вопросе о компенсации вреда, причинённого неправосудным судебным актом, далеко не каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, вопреки требованиям ст. 53 Конституции РФ, а только те лица обладают таким правом, которые получили статус потерпевшего в уголовном деле по ст. 305 Уголовного кодекса РФ «вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта» и то, только в случае получения обвинительного приговора, вступившего в силу. Подобная проблема в настоящее время может быть разрешена, по видимому, лишь законодательной ветвью власти — путём внесения изменений в соответствующее законодательство.

Исследованием вопроса об ответственности государства занималось сравнительно небольшое число ученых — юристов. Отсюда и следуют все недопонимания и неточности в актах правоохранительных органов и органов правосудия. Представляется, что этому вопросу необходимо уделить большее внимание, чтобы нарушение прав и законных интересов граждан не происходило.

В случаях предъявления к Российской Федерации исков о возмещении вреда, причиненного актами правоохранительных органов и суда, ее интересы представляют в судах Генеральная прокуратура, Министерство внутренних дел России и Судебный департамент, а также Министерство финансов России. Выбор данных органов зависит от того, какой именно организацией причинен вред гражданину. Однако, как известно, в современном обществе существует довольно большая проблема, которая выражается в недоверии к судебной системе. Это недоверие, так или иначе, тесно связано с ответственностью государства за ошибочные судебные постановления.

На наш взгляд, обратиться к затронутой проблеме очень важно, поскольку это позволит выявить те самые недостатки современного

российского правосудия, которое вызывает у граждан недоверие. Следует согласиться с мнением А.П. Кирчака, который в своей работе упомянул рассматриваемый вопрос и достаточно точно отметил, что достаточно продолжительное время российское законодательство оставалось ограниченным и несовершенным относительно ответственности государства в сфере правосудия.[45, с. 52]

Данный факт слишком явно препятствовал полноценной охране имущественных интересов граждан в данной сфере. Изучая законодательство в целом, каждый юрист отметит, что одним из главных обязательства государства, является непосредственное несение ответственности перед гражданами за принимаемые решения, а также за действия, совершаемые органами власти и должностными лицами. Причем, упомянутое обязательство должно выполняться в полной мере, так как данный факт закреплен не только в Конституции РФ, но и в каждом законодательном акте Российской Федерации. Поскольку мы живем в правовом государстве, то одним из признаков такового является взаимная ответственность человека и государства, именно поэтому государство должно исполнять свои обязанности и нести свою ответственность перед гражданином с учетом интересов последнего. Следовательно, должна существовать некая правовая связь с обществом, которая проявляет себя при отправлении правосудия.

Необходимо установить важность и значение правовой системы в обществе. В чем ее специфика и особенности. Рассмотреть различные мнения ученых по данному вопросу. В настоящее время существует значительная потребность в осуществлении правосудия, которая объясняется именно наличием в современном обществе конфликтов на почве разрозненности интересов между обществом и государством. Данное мнение высказал И.Л. Петрухин.[46, с. 37] Однако, есть и иная точка зрения, авторы которой, утверждают, что судьи разрешают острые жизненные конфликты и принимают по ним решения.[47, с.3]

Но, по нашему мнению, что это скорее общее видение на правовую систему суда в целом. Конечно, судьи непосредственно помогают разрешать общеправовые вопросы в социуме, но не исключены моменты, когда именно своими решениями, действиями (бездействиями) они тем самым могут и усугубить ситуацию, а в некоторых случаях даже причинить моральный вред гражданину.

И, конечно же, третья точка зрения, которая под важностью правосудия понимает рассмотрение в судебных заседаниях гражданских и уголовных дел, и как следствие принятие актов правосудия.[48, с. 13] Это мнение уже более конкретизировано, но требует небольшого дополнения. Следует согласиться с мнением каждого автора в части и на наш взгляд было бы правильным соединить все три точки зрения, из которых будет показана полноценная картина роли правосудия в обществе.

Итак, из анализа рассмотренных мнений следует, что суд — это государственный орган, который защищает правопорядок путем разрешения конфликтов, возникающих в обществе, при этом учитывая ситуацию каждого гражданина индивидуально. На практике общественные конфликты носят индивидуальный характер и поэтому суду необходимо в каждом случае рассматривать дело как можно шире и всесторонне. Судебная система, в большей своей части, охраняет от каких-либо посягательств, общественный и государственный строй, законную собственность, а равно права и законные интересы граждан, государственных учреждений и общественных организаций. В этом и заключается роль правосудия в Российской Федерации.

На основании вышеизложенного, можно сформулировать следующее определение. Правосудие — это особый вид применения судом закона в случаях, которые строго определены законодательством, когда разрешение спора по различным делам существенно затрагивает права и законные интересы граждан, а также государственных и иных учреждений.

Теперь стоит сказать, об органе, который непосредственно осуществляет отправление правосудия. Безусловно, это государственный орган — суд. В этом и определяется его специфика, с помощью законодательства разрешать конфликты, возникающие в обществе, а так же укреплять правопорядок в нем. Именно поэтому говорят, что деятельность суда представляет особый вид правоприменения, которое состоит в установлении юридических фактов, принятии властного решения о должном поведении, как граждан, так и юридических лиц и в применении юридических санкций к тем лицам, которые нарушают нормы закона.

Конечно, есть и иные органы, которые применяют российское законодательство к обществу, например органы дознания, следствия, прокуратуры, но все они носят лишь промежуточный характер, а окончательное рассмотрение и решение дела по существу производит суд. Суд как бы подводит итог всем противоправным или наоборот правомерным действиям граждан и решает их дальнейшую судьбу.

Функции суда распространяются также и на государственные органы. Поэтому необходимо отметить, раз органы прокуратуры и правоохранительные органы относятся по своей природе деятельности к органам государственным, то и на них распространяется контроль суда за деятельностью упомянутых организаций. Например, решая вопрос о выборе меры пресечения, суд контролирует состояние законности в деятельности таких органов и реагирует на нарушения путем вынесения определений. Или, например, дело затрагивает решение вопроса об условно-досрочном освобождении, то также в случае незаконности, суд отказывает в удовлетворении ходатайства об условно-досрочном освобождении. Именно в своих решениях суд проявляет свою объективность, реализует свои функции и полномочия, и непосредственно воздействует своими решениями, как на общество, так и на государство в целом.

Но никто не исключает случаев, когда суд своими действиями (бездействиями) наносит ущерб гражданину. Так, например, п.2 ст. 1070 ГК

РФ говорит о том, что вред, причиненный при осуществлении правосудия, возмещается в случае, если вина судьи установлена приговором суда, вступившим в законную силу. Получается, что если отсутствует такое постановление, то полученный гражданином вред не возмещается? На наш взгляд, данная норма требует пересмотра в той части, которая ограничивает условия возмещения причиненного вреда, вступившим в законную силу судебным актом.

Продолжая анализировать п. 2 ст. 1070 ГК РФ, можно заметить, что она идет в разрез с п. 1 той же статьи, где сказано, что в случае наличия вины со стороны государства вред возмещается независимо от вины должностных лиц. То есть, появляется две ситуации, когда для возмещения вреда необходимо судебное решение, вступившее в законную силу, и ситуация, когда такого не требуется. Думается, что такую двойственность необходимо привести в порядок и прийти к единому мнению, иначе возникнут сложности при применении законодательства в этой части. Данная сложность будет заключаться, например, в случаях, когда сторона, считающая себя потерпевшей от незаконных (с ее точки зрения) действий судьи в ходе разбирательства в гражданском судопроизводстве, будет обращаться не только с апелляционной либо кассационной жалобой, но и с соответствующим иском, а судья всякий раз будет вынужден доказывать свою невиновность. Тем самым была бы, по существу, перечеркнута обусловленная природой правосудия и установленная процессуальным законодательством процедура пересмотра судебных решений и проверки законности и обоснованности судебных актов вышестоящими инстанциями.

Следовательно, представляется возможным сформулировать вывод о том, что содержание понятия «осуществление правосудия» применительно к гражданским делам включает в себя совокупность всех действий судьи и суда, связанных с возбуждением гражданского дела, подготовкой дела к рассмотрению и его разрешением. Думается, что данное положение можно применять также и при рассмотрении споров по искам к государству о

возмещении вреда, причиненного при отправлении правосудия по гражданским делам.

Данный вывод сделан на основании правоприменительной практики Верховного Суда РФ. Так, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 6 декабря 2005 г. N 5-Г05-106 указано: «...что же касается вопроса о возмещении государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) суда (судьи) применительно к случаям, когда вина судьи установлена не вступившим в законную силу приговором суда, а в ином порядке, то в настоящее время действующим законодательством не урегулированы основания и порядок возмещения государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) суда (судьи) при осуществлении правосудия, а также подведомственность и подсудность такого рода дел».[13]

Еще К.Маркс говорил: «Закон всеобщ; случай, который должен быть определен на основе закона, – единичен. Чтобы подвести единичное под всеобщее, требуется суждение. Суждение проблематично. Если бы законы применялись сами собой, тогда суды были бы излишни». И с К.Марксом сложно не согласиться, ведь он сказал простую и правильную истину, что для качественного разрешения общественных конфликтов, суды просто необходимы, а наличие закона и правильное его применение вовсе подавно.[80]

Таким образом, можно сделать несколько выводов. Во-первых, самым важным и главным условием возмещения вреда государством за вред, причиненный при отправлении правосудия, является наличие вины, которая устанавливается вступившим в законную силу решением суда. Это согласно букве закона, а именно п. 2 ст. 1070 ГК РФ. Но, с некоторой оговоркой, что данная норма требует частичного пересмотра либо уточнения. На что неоднократно обращал внимание Конституционный Суд Российской Федерации. Однако, если до сих пор попытки изменения не предприняты, то представляется, что и в дальнейшем данный пробел продолжит свое

существование в гражданском кодексе РФ. И, во-вторых, отправление правосудия осуществляет непосредственно суд, а именно судья. И к нему предъявляются особые требования, поскольку именно от его решения зависит исход дела по существу. Ведь при малейшем неправильном истолковании законодательства РФ есть вероятность именно причинения вреда своими действиями (бездействиями) при отправлении правосудия.

ГЛАВА 3. ПОРЯДОК И РАЗМЕР ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО НЕЗАКОННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ, ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ, ПРОКУРАТУРЫ, СУДА И ИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ

3.1. Определение размера возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, суда и их должностных лиц

В России сумма компенсации за неправомерные действия должностных лиц правоохранительных органов несопоставимо мала с суммами, присуждаемыми Европейским Судом по правам человека: так, в России 20 тыс. руб. является адекватной компенсацией за применение к заключенному пыток и жестокого обращения. Такую позицию правительства изложил заместитель министра юстиции Г. Матюшкин в своем письме Суду от 19 января 2017 г.[81]

По нашему мнению, российское законодательство в сфере ответственности государства за вред, причиненный органами государственной власти, в том числе правоохранительными органами, обладает следующими недостатками.

Во-первых, законодательством не предусмотрена возможность решения вопросов компенсации ущерба в досудебном порядке. Поэтому мы предлагаем в ст. 16.1 ГК РФ [1] добавить пункт о возмещении ущерба в досудебном порядке, путем заключения мирового соглашения между государственным органом или должностными лицами, которыми был причинен вред и гражданином или юридическим лицом.

Во-вторых, в законодательстве не установлены размеры возмещения. Соответственно, мы предлагаем в ст. 16.1 ГК РФ добавить пункт, в котором будут регламентированы четкие нормы по размерам возмещения вреда, причинённого государственными органами и их должностными лицами. Размер возмещения предлагаем установить по материальному ущербу, в

полном объеме, что регламентируется пунктом 1 статьи 1070 ГК РФ, а компенсацию морального вреда установить исходя из общей оценки ситуации, в которую попал пострадавший, в размере от 25 до 50 % от материального ущерба.

ГК РФ не раскрывает виды индивидуальных особенностей лиц, которые могут влиять на размер компенсации. Полагаю, что при учете данных особенностей потерпевшего, важную роль играет то, что у всех людей болевой порог разный и физическую боль все переносят по-разному, следовательно, индивидуальные особенности, например, ребенка и взрослого человека имеют отличия. Поэтому, как верно указывает В. Усков: «было бы неправильным считать, что удар одинаковой силы по лицу профессионального боксера и малолетнего ребенка причинит им одинаковую физическую боль, а следовательно, и одинаковый моральный вред».[54 ,с.25]

Оценивая размер компенсации, необходимо учитывать и материальное положение причинителя вреда, при этом положение истца (потерпевшего) не учитывается.

В доказательство этого, А.М. Эрделевский приводит такой пример: «предположим, двум потерпевшим причинены одинаковые страдания (легкий вред здоровью), при этом годовой доход одного из потерпевших превышает годовой доход другого в 10 тыс. раз. Понятно, что один и тот же размер компенсации принесет первому потерпевшему гораздо большие положительные эмоции по сравнению со вторым. Но это не означает, что имущественное положение потерпевшего следует учитывать при определении размера компенсации морального вреда, так как присуждение разных размеров компенсации за одинаковые страдания противоречило бы принципам разумности и справедливости (ст. 1101 ГК РФ)». [62, с.186]

Несмотря на это, ряд ученых считают, все же, необходимым при определении размера компенсации учитывать и материальное положение потерпевшего. Так, В. Усков берет за основу аналогичный пример с богатым и бедным человеком, но указывает, что для достижения положительных

эмоций, соразмерных перенесенному моральному вреду, богатому необходима более крупная денежная сумма, нежели бедному, так как последний будет счастлив, получив и небольшую сумму.

Думается, что за одинаковые страдания необходимо устанавливать одинаковый размер компенсации, но с учетом индивидуальности лиц и иных критериев, перечисленных в законе, это позволит не допустить нарушение основных принципов законодательства РФ.

В то же время, необходимо учесть степень вины самого потерпевшего (истца) и причинно-следственную связь его действий с наступившим вредом. Нужно проверить факт отсутствия умысла в действиях или бездействиях потерпевшего.

А.М. Эрделевский ввел новую категорию «базисный уровень» при расчете компенсации, за различные правонарушения. В соответствии с данной методикой, размер компенсации зависит от того, насколько опасно правонарушение. При этом он приводит таблицу с правонарушениями и размером компенсаций за них, взяв за основу МРОТ (минимальный размер оплаты труда). Например, за нарушение имущественных прав потребителей – 25 МРОТ, а за преступления, повлекшие тяжкий или средней тяжести вред здоровью – 1000 МРОТ. Таким образом, будет учитываться и инфляция денег при определении размера и сложится единообразная практика в судах, но с учетом естественных отступлений.

А.М. Эрделевский высказывает мнение, что: «именно Верховный Суд РФ должен предложить судам общий базис для определения размера компенсации морального вреда, оставляя при этом достаточный простор усмотрению суда при решении конкретных дел».

Многие ученые согласны с позицией А.М. Эрделевского о необходимости выделения «базисного уровня».

Например, З.Б. Хавжокова [55, с. 24-25] поддерживает высказанную позицию и полагает, что необходимо определить минимальные и максимальные пределы компенсации морального вреда по конкретным

правонарушениям, а суду предоставить возможность с учетом обстоятельств дела, изменять размер компенсации.

Иного мнения придерживаются ученые, считающие, что необходимость определения четких критериев определения размера компенсации отсутствует. Так, А.В. Воробьев [56 ,с.102], считает, что методика А.М. Эрделевского учитывает лишь один критерий – характер деяния, в то время как при определении размера компенсации морального вреда необходимо учитывать и другие факторы.

По мнению Е.П. Редько в законе намеренно не закреплён размер компенсации и методика оценки страданий лица. В связи с этим он пишет, что суд должен определять размер компенсации исходя из каждого конкретного случая отдельно, соблюдая эквивалентность.

На наш взгляд, установить единый размер компенсации для конкретных правонарушений невозможно. Данный вопрос необходимо решать в зависимости от конкретного дела.

В науке были попытки установить размеры компенсации морального вреда, в частности, по трудовым спорам. Б.И. Сосна и Г.К. Аворник, считают, что необходимо создать «пределы компенсации морального вреда в трудовом законодательстве».[57, с. 35] Нижним пределом будет сумма заработной платы за месяц, а верхним - сумма семи заработных плат.

М.Н. Малеина, также предлагает выделить такие критерии определения размера компенсации вреда работнику, как: «материальное положение потерпевшего; наличие или отсутствие других источников дохода; наличие или отсутствие нетрудоспособных иждивенцев в семье потерпевшего; состояние здоровья. Соответственно, размер компенсации должен быть выше, если работник не имеет других источников дохода, в состав его семьи входят нетрудоспособные иждивенцы и так далее». [58, с.64]

При посягательстве на право человека на благоприятную окружающую среду, дополнительными критериями будут: «вид и степень тяжести повреждения здоровья; рождение детей с врожденной патологией,

обусловленной неблагоприятной окружающей средой». М.Н. Малеина считает, что ребенок в подобной ситуации является потерпевшим, это означает, что он имеет право на компенсацию морального вреда. Касаясь родителей, необходимо учитывать их переживания, в связи со сложившейся ситуацией и они также имеют право на компенсацию.

При нарушении права человека на имя, критерием определения размера компенсации должно быть - количество лиц, узнавших о нарушении. М.Н. Малеина отмечает, что, это не должно быть конкретное число лиц, это могут быть, например, коллеги по работе, компания на дне рождения или вообще неопределенный круг лиц. Размер компенсации, соответственно увеличивается в зависимости от числа этих лиц.

При нарушении права на честь, деловую репутацию лица, М.Н. Малеина предлагает учитывать три критерия: общественную оценку характера и содержания распространенных сведений; сферу распространения порочащих сведений (в сети Интернет, в фирме или среди соседей); состав лиц, которым стали известны порочащие лицо сведения. При этом, размер компенсации должен быть выше, если сведения стали известны наиболее близкому для лица кругу общения, знакомому с его деятельностью.

В работе М.Н. Малеиной приводятся и иные частные критерии в зависимости от нарушения конкретных субъективных прав лиц.

По поводу общих оснований повышения и снижения размера компенсации неимущественного вреда, автор пишет, что они зависят от конкретных обстоятельств дела и от усмотрения суда.

Так, к общим основаниям повышения размера можно отнести: «причинение одновременно морального и физического вреда при нарушении одного неимущественного права; наступление нематериального вреда в связи с одновременным нарушением нескольких неимущественных прав».

К общим основаниям снижения размера компенсации, отнести: «форму и степень вины потерпевшего; имущественное положение гражданина - причинителя вреда; истечение длительного периода времени после

возникновения вреда при определенных условиях; принятие мер нарушителем к добровольному сглаживанию последствий причиненного неимущественного вреда».

Согласно п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» [11] при определении размера денежной компенсации морального вреда суды могут принимать во внимание размер справедливой компенсации в части взыскания морального вреда, присуждаемой Европейским Судом за аналогичное нарушение.

При этом, Европейским судом по правам человека (далее ЕСПЧ) при рассмотрении вопроса о компенсации морального вреда учитываются два критерия: 1) душевные страдания потерпевшего; 2) чувство разочарования потерпевшего.

Практическая инструкция ЕСПЧ [18] устанавливает, что Европейским Судом по правам человека присуждается только такая компенсация, которая является справедливой при данных обстоятельствах. В отношении некоторых нарушений ЕСПЧ может решить, что само их признание уже является достаточной компенсацией, в связи, с чем необходимость присуждения денежного возмещения отсутствует.

Конституционный Суд РФ отмечает [7], что если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

В письме Минфина России от 28.09.2009 № 08-06-08/457 «О практике взыскания судами морального вреда, причиненного незаконным привлечением к уголовной ответственности» [74] указано: «Из числа изученных судебных актов, поступивших в Правовой департамент

Министерства финансов Российской Федерации в 2008—2009 годах, о взыскании с Министерства финансов Российской Федерации за счет казны Российской Федерации в пользу граждан компенсации морального вреда, причиненного в результате незаконного привлечения к уголовной ответственности, условно выделяются: в 67% от общего числа судебных актов сумма взысканной компенсации морального вреда за незаконное привлечение к уголовной ответственности не превышает 150 000 рублей; в 21% судебных актов сумма взысканной компенсации морального вреда за незаконное привлечение к уголовной ответственности не превышает 300 000 рублей; в 11% судебных актов сумма взысканной компенсации морального вреда за незаконное привлечение к уголовной ответственности превышает 300 000 рублей; не более 1% судебных актов сумма взысканной компенсации морального вреда за незаконное привлечение к уголовной ответственности превышает 700 000 рублей. Анализ судебной практики показал, что основным критерием, который влияет на размер присужденной за счет казны Российской Федерации компенсации морального вреда, причиненного незаконным привлечением к уголовной ответственности, является длительность срока нахождения гражданина под стражей. Дополнительными критериями являются: избрание в отношении гражданина меры пресечения в виде подписки о невыезде, правовой статус лица (военнослужащий, сотрудник органов внутренних дел, государственный служащий, общественный деятель, предприниматель и т. д.), увольнение с работы, ухудшение здоровья вследствие незаконного привлечения к уголовной ответственности, проблемы в семейной жизни, возникшие вследствие незаконного осуждения, и т.п.

Рассмотрим пример. Гражданская коллегия Верховного суда (ВС) не согласилась с расчетом морального вреда, который нижестоящие суды взыскали за незаконное уголовное преследование. Истец требовал 3,2 млн руб., а получил только 50 тыс., потому что не доказал свои физические страдания. ВС указал, что страдания из-за уголовного преследования

доказывать не нужно, так как это общеизвестный факт. Решение отправлено на пересмотр в апелляцию.

Адвокат Сергей Надеин взыскивал с Минфина и управления Следственного комитета по Санкт-Петербургу 3,2 млн руб. морального вреда. В мае 2015 года в отношении истца было возбуждено уголовное дело по ч. 3. ст. 159 УК (мошенничество с использованием служебного положения). Сначала Сергей Надеин провел десять месяцев под домашним арестом. Потом еще пятнадцать — под подпиской о невыезде. В июле 2017 года уголовное дело было прекращено из-за отсутствия состава преступления с правом на реабилитацию.[82]

Первая инстанция учла переживания Сергея Надеина «по поводу того, что вмененное ему преступление он не совершал». Примененные меры пресечения «не могли не оказать негативного влияния на психологическое состояние истца, а также неизбежно повлекли за собой общественное порицание и утрату доверия к истцу как к адвокату», указал суд. Вместе с тем истец не доказал, что испытывал физические страдания из-за утраты социальных связей, невозможности содержать семью, утраты доверия на работе. Поэтому присужденная сумма составила только 50 тыс. руб. (то есть 67 руб. за каждый день применения меры пресечения). Апелляция добавила к этому 3 тыс. руб. расходов на представителя.

Гражданская коллегия ВС рассмотрела дело 5 марта 2019 г. При незаконном уголовном преследовании каждый человек испытывает нравственные и физические страдания, полагает ВС. Это общеизвестный факт (ч. 1 ст. 61 ГПК). Доказывать физические страдания документами о нетрудоспособности или чеками о покупке лекарств не обязательно.

Сергей Надеин также настаивал, что был ограничен в праве на защитника. Следователи достоверно знали, что защитником была И.Ю. Надеина (вероятно, супруга истца, хотя в решении ВС это не уточняется). Однако она была допрошена как свидетель. После этого она уже не смогла быть защитником, что также нарушило права заявителя. Но суды этого не

учли и сослались только на то, что доказательств своих нравственных и физических страданий истец не представил.

Гражданская коллегия ВС отправила дело на пересмотр в апелляцию.

Рассмотрим еще один пример. 16 августа 2019 г. Ленинский районный суд г. Ульяновска взыскал в пользу гражданина, в отношении которого необоснованно были возбуждены два уголовных дела, компенсацию морального вреда в размере 200 тыс. руб.

В мае 2016 г. в отношении Даниила Алферьева следственным отделом по Ленинскому району г. Ульяновска было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ. Поводом послужило выступление гражданина в ноябре 2014 г. на организованном региональным отделением КПРФ митинге, посвященном 97-летию Октябрьской революции. В речи Даниила Алферьева следствие усмотрело высказывания, направленные на возбуждение «ненависти либо вражды» в отношении представителей российской власти.

В июне 2016 г. гражданин был объявлен в розыск. В это время он жил и работал в Москве. В августе того же года в квартире, где он проживал, произвели обыск, а самого Алферьева задержали и доставили в Ульяновск. После этого в отношении него было вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ.

Следователь ходатайствовала перед Ленинским районным судом г. Ульяновска об избрании обвиняемому меры пресечения в виде домашнего ареста с установлением ограничений. Однако суд отказался удовлетворять ходатайство, установив, что следствие не представило доказательств того, что Даниил Алферьев скрывался от органов предварительного расследования. Кроме того, как указал суд, им не были получены данные, подтверждающие факт уведомления гражданина о возбуждении в отношении него уголовного дела. В связи с этим в отношении обвиняемого была избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении.

В ноябре 2016 г. в связи с тем же выступлением в отношении Даниила Алферьева было возбуждено еще одно уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 280 УК РФ. Следствие посчитало, что гражданин высказывал призывы к экстремистской деятельности. В дальнейшем дела были объединены в одно производство.

Однако в итоге следствие пришло к выводу, что в действиях Даниила Алферьева отсутствуют признаки вменяемых ему преступлений. В мае 2017 г. заместителем руководителя СО по Ленинскому району г. Ульяновска было вынесено постановление о прекращении уголовного преследования (уголовного дела) по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, т.е. за отсутствием в действиях гражданина состава преступления. После чего в соответствии со ст. 134 УПК РФ Даниил Алферьев получил право на реабилитацию и возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием.

Защиту гражданина осуществляли адвокаты АБ Республики Татарстан «Ахметгалиев, Хрунова и партнеры» Рамиль Ахметгалиев и Рушана Камалова, сотрудничающие с международной правозащитной группой «Агора».

После прекращения уголовного дела Даниил Алферьев обратился в суд с требованием о взыскании соответствующей компенсации морального вреда. Истец ссылаясь на то, что ему были причинены нравственные и физические страдания.

Представитель Даниила Алферьева Рушана Камалова указала, что ранее он никогда не привлекался к уголовной ответственности, являлся законопослушным гражданином, с отличием окончил университет. Узнав, что он подвергается уголовному преследованию за выступление на «санкционированном» митинге, проходившем почти 2 года назад, ее доверитель испытал страх и тревогу за свою дальнейшую судьбу, обоснованно опасался произвола правоохранительных органов и лишения свободы.

Адвокат сообщила суду, что о возбужденном в мае 2016 г. уголовном деле Даниил Алферьев узнал только в августе 2016 г., когда к нему пришли с обыском сотрудники полиции. По словам истца, во время проживания в г. Москве он поддерживал отношения с родными и друзьями из г. Ульяновска, которые знали его контактный номер телефона и адрес фактического проживания, однако никакой информации о возбуждении в отношении него уголовного дела ему не поступало.

«После того, как Даниил узнал от сотрудников полиции, что он объявлен в розыск, его тревога за свою судьбу усилилась. Он испугался, что если правоохранные органы абсолютно необоснованно и незаконно объявили его в федеральный розыск, то с такой же легкостью он может быть и несправедливо осужден», – указала Рушана Камалова.

По словам адвоката, обстоятельства обыска в жилище ее доверителя, принудительное перемещение из Москвы в Ульяновск, долгое психологическое напряжение и страх за свою судьбу в отсутствие каких-либо внятных объяснений от правоохранителей явились сильным психологическим стрессом для Алферьева. Как отмечено в исковом заявлении (имеется в распоряжении «АГ»), гражданин знал, что он не совершал никаких противоправных действий, поэтому чувствовал «полную незащищенность перед произволом со стороны правоохранительных органов».

Истец отметил, что его права на свободу и личную неприкосновенность, свободу передвижения и выбора места жительства были грубо нарушены, он был лишен возможности трудиться и зарабатывать себе на жизнь. Кроме того, Даниил Алферьев сообщил, что при обыске в жилище действиями сотрудников полиции ему была причинена физическая боль.

По словам истца, после привлечения его в качестве обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК, он испытал сильные нравственные переживания, связанные с тем, что его собираются

лишить свободы и обращаются с ним как с преступником. Мужчина также переживал за своих родителей, которые уже знали, что сына привезли из Москвы сотрудники полиции, что он задержан и обвиняется в совершении преступления. Даниил Алферьев опасался, что все эти обстоятельства скажутся на состоянии здоровья его отца и матери.

Рушана Камалова сообщила суду, что на протяжении всего следствия, длившегося год, ее доверитель из-за подписки о невыезде был лишен свободы передвижения, выбора места пребывания и жительства. По ее словам, истец, имея статус обвиняемого, не смог устроиться на работу в Ульяновске. Из-за этого он был вынужден жить на иждивении родителей, что доставляло мужчине дополнительные нравственные страдания, вызывало чувство стыда и беспомощности. «В связи с незаконным уголовным преследованием и наложенной мерой пресечения Даниил Алферьев потерял возможность прежнего заработка в виде частного репетиторства в г. Москве, который позволял ему обеспечивать себя», – подчеркнула адвокат.

Истец отметил, что после необоснованного возбуждения второго уголовного дела он почувствовал свою полную незащищенность перед произволом следственных органов, испытал стресс и депрессию от несправедливого уголовного преследования, от постоянных опасений за свою дальнейшую судьбу. У него ухудшилось самочувствие, появились проблемы со сном.

Как указано в исковом заявлении, Даниил Алферьев переживал, что факт возбуждения в отношении него «экстремистских» уголовных дел стал общеизвестен. По его словам, многие знакомые и соседи перестали с ним общаться, так как в сознании общества силен стереотип, что просто так уголовные дела не возбуждают: раз человек попал под уголовное преследование, то он действительно преступник.

Свои нравственные и физические страдания истец оценил в 500 тыс. руб.

С учетом положений ст. 1071 и п. 3 ст. 125 ГК суд счел Министерство финансов РФ надлежащим ответчиком по делу.

Представитель Минфина искимые требования не признала, посчитав сумму компенсации слишком большой и указав, что избранная в отношении Даниила Алферьева мера пресечения не признавалась незаконной. Она также отметила, что мужчина не представил доказательств своего обращения в следственный орган за разрешением покинуть постоянное место жительства в период действия подписки о невыезде, а также доказательств отказа в этой просьбе. Кроме того, как указал Минфин, подписка действовала не весь срок следствия, а только 9 месяцев. Ответчик также сослался на отсутствие доказательств того, что истец не мог трудиться и обеспечивать себя.

Сославшись на ст. 133 УПК, суд согласился с тем, что право на реабилитацию включает в себя право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда. При этом он отметил, что в соответствии со ст. 1100 ГК компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя, если вред причинен гражданину в результате незаконного применения в качестве меры пресечения подписки о невыезде. Как указано в решении, такой вред, с учетом ст. 16 и ст. 1070 ГК возмещается за счет казны в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда.

Применив ст. 151 ГК, суд указал, что «сам по себе факт привлечения к уголовной ответственности свидетельствует о нарушении конституционных прав истца». В данном случае причинение морального вреда презюмируется. «С другой стороны, – отметил суд. – Отсутствуют доказательства того, что действия по возбуждению уголовных дел со стороны следственных органов носили намеренно незаконный характер и имели целью причинить вред истцу».

Суд посчитал, что Даниил Алферьев «был незаконно привлечен к уголовной ответственности и в период с 23 августа 2016 г. по 30 мая 2017 г. к

нему незаконно применялась мера пресечения в виде подписки о невыезде». При определении размера компенсации суд учел длительность меры пресечения, отсутствие у гражданина судимости, обыск в его жилище и фактически лишение свободы передвижения при доставлении Алферьева из Москвы в Ульяновск.

Суд не принял доводы о том, что в ходе задержания истцу были причинены физические страдания, а также о том, что из-за уголовного преследования мужчина был лишен возможности трудиться, как недоказанные. По мнению первой инстанции, материалами дела не подтверждался и факт включения Алферьева в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, а также блокировки его банковского счета. Кроме того, истец, как указано в решении, не смог подтвердить причинение вреда его здоровью в результате уголовного преследования.

Основываясь на этом, суд посчитал требование о взыскании 500 тыс. руб. завышенным и взыскал в пользу Даниила Алферьева 200 тыс. руб.

Рушана Камалова сообщила «АГ», что она и ее доверитель в целом довольны решением Ленинского районного суда Ульяновска. Адвокат отметила важность вывода суда том, что сам по себе факт необоснованного привлечения к уголовной ответственности свидетельствует о нарушении конституционных прав истца и причинении ему морального вреда. «В таких ситуациях зачастую страдания лица, необоснованно обвиненного в совершении преступления, не всегда имеют документальное подтверждение. Однако это не означает, что человек их не испытывал», – подчеркнула Рушана Камалова.

По словам адвоката, несмотря на то, что исковые требования были удовлетворены лишь частично, ее доверитель решил не обжаловать решение. «Обращаясь в суд, Даниил не ставил своей целью “заработать” на данном иске. Ему важно было, чтобы суд признал факт причинения морального

вреда незаконным уголовным преследованием», – пояснила Рушана Камалова.

Адвокат рассказала, что, согласно сведениям с сайта Ленинского районного суда г. Ульяновска, ответчик обжалует решение суда. «Однако до настоящего времени копия апелляционной жалобы нами не получена», – указала Рушана Камалова.[83]

По мнению адвоката АК № 22 «Гражданские компенсации» Нижегородской областной коллегии адвокатов Ирины Фаст, присужденные 200 тыс. руб. сложно назвать разумной и справедливой компенсацией за 12 месяцев нахождения под следствием. «Этот размер не соответствует практике Европейского Суда по правам человека. Проблема остается прежней: у судов нет каких-то четких критериев по данному вопросу, нет единой формулы, нет базисного размера или минимальной границы, есть лишь очень неопределенные указания в законе на требования разумности и справедливости», – отметила адвокат. При этом она подчеркнула, что ВС ранее уже указывал на необходимость руководствоваться практикой ЕСПЧ при определении размеров компенсаций.

«Данное решение очень наглядно отражает субъективную оценку судьями прав и свобод человека, их реальную “ценность”», – заключила Ирина Фаст.

Адвокат КА «Лапинский и партнеры» Константин Кузьминых согласился с тем, что низкий размер компенсации вреда – общеизвестная проблема российской судебной практики: «Двести тысяч рублей для наших судов, к сожалению, – не маленькая сумма».

Эксперт привел в качестве примера взыскания низких компенсаций практику Санкт-Петербургского городского суда, который присудил потерпевшим в связи с длительностью предварительного следствия (более четырех лет) компенсации в размере 20–50 тыс. руб. «Кстати, следственные органы и Минфин возражают даже против таких сумм», – сказал Константин Кузьминых.

Адвокат отметил позицию ЕСПЧ, который констатировал присуждение российскими судами несоразмерно низкие компенсации заявителям, которые не были освобождены из колонии по истечению срока наказания. «Был период, когда судебная практика, видимо, ориентируясь на присуждаемые ЕСПЧ компенсации, признавала разумным размер компенсации 1–2 тыс. руб. за сутки лишения свободы, но из-за того, что по РФ возникали тысячи таких истцов Минфин предложил эту сумму снизить», – рассказал адвокат.

При этом Константин Кузьминых отметил, что в практике Верховного Суда встречается взыскание достойных компенсаций. Адвокат сослался на Определение ВС от 14 августа 2018 г. № 78-КГ18-38. Он сообщил, что истец провел в СИЗО 3 года и 2 месяца, за которые просил взыскать 2,3 млн руб., однако районный суд урезал сумму до 150 тыс. руб. «Дело дошло до Верховного Суда, который напомнил об обязательствах РФ, принятых ею на себя при подписании и ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод. ВС удовлетворил требования истца в полном объеме. К сожалению, судебные власти на уровне районных и областных судов не всегда учитывают, что государство должно исполнять свои обязанности, вытекающие из ст. 53 Конституции РФ, достойно», – подвел итог адвокат.

В Госдуму вскоре внесут предложения об установлении минимального размера судебных компенсаций, в том числе за незаконное уголовное преследование граждан. Депутаты из «Справедливой России» указывают, что в настоящий момент суды назначают незначительные суммы, при этом их подходы к выплате денег сильно различаются. Как правило, речь чаще всего идет о нескольких тысячах рублей, однако бывают и такие компенсации, размер которых больше среднего в десятки раз.

Депутаты ГД из «Справедливой России» Сергей Миронов, Михаил Емельянов и Олег Нилов предлагают установить в Гражданском кодексе унифицированный размер компенсации за необоснованное привлечение гражданина к уголовной ответственности.

Например, за один день незаконного преследования предлагается выплачивать как минимум 1 тыс. руб., «за день лишения свободы и помещения в СИЗО – не ниже 15 тыс. руб., за применение иных мер пресечения – не ниже 5 тыс. руб.». Законопроект, по информации «НГ», будет внесен после получения на него заключения правительства.

По словам Емельянова, это будет «важная гарантия для подозреваемых и сдерживающий фактор для правоохранительных органов». «Если будут установлены конкретные суммы, то следователь, прежде чем заковать подозреваемого в наручники, подумает о последствиях», – заявил депутат «НГ». Ведь за те немалые суммы, которые пришлось бы выплачивать из бюджета, руководство правоохранительных структур стало бы серьезно спрашивать с подчиненных. А сейчас, напомнил Емельянов, в год происходят сотни случаев безосновательного привлечения граждан к уголовной ответственности.

Эсэр высоко оценил шансы на проходимость данной инициативы, объяснив это заинтересованностью властей разбирать подобные споры в рамках отечественного правосудия. А не выплачивать сотни тысяч евро, которые присуждает пострадавшим россиянам Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ). Емельянов подчеркнул, что таких исков много, но на их рассмотрение уходят годы, так что если будут установлены минимальные суммы выплат, то людям, вероятно, проще будет обращаться в национальные суды. Однако депутат признал, что инициатива СР – это не более чем паллиатив, потому что этими поправками не решается главная проблема. Речь идет о необъективности российских судов, которые закрывают глаза на очевидные нарушения закона со стороны силовиков.

Вторая часть законопроекта связана с установлением неких критериев, на которые могли бы ориентироваться суды при расчете сумм возмещения морального вреда. «На практике он часто оценивается в диапазоне 500–3000 руб. за сутки незаконного и необоснованного уголовного преследования. Это очень мало по сравнению с тем, что фактически теряет человек, когда он

признается по делу подозреваемым или обвиняемым», – сказал «НГ» член Ассоциации юристов России (АЮР) Кирилл Махов. Он напомнил, к примеру, что даже признанное потом необоснованным уголовное преследование ранее скорее всего уже повлекло за собой потерю работы, проблемы в семье и со здоровьем. «В случае же избрания меры пресечения в виде заключения под стражу человек вообще фактически лишается нормальной жизни», – отметил эксперт.

Сейчас в России не существует минимального или максимального размера компенсации морального вреда. Нет и методики для их оценки, это каждый раз определяется судом. Поэтому суммы могут сильно отличаться, пояснила «НГ» адвокат АК «Гражданские компенсации» Ирина Фаст. «Граждане разочаровываются в правосудии, негативно оценивают происходящее, а это подрывает авторитет государственной власти и судебной системы», – заявила она.

Она подтвердила низкое медианное значение компенсаций морального вреда. Скажем, минимальные выплаты не оправдывают затрат на них усилий со стороны гражданина, рискнувшего обратиться в суд, то есть «ставят под сомнение целесообразность обращения к правосудию». Эти мизерные суммы, добавила она, нивелируют две важнейшие функции данной сферы – компенсационную и превентивную. Фаст привела типичный пример взыскания одним из столичных райсудов компенсации морального вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием, в размере 2 тыс. руб. Невысоко оценивается также жизнь и здоровье граждан. К примеру, за наезд на пешехода, получившего травмы средней тяжести, один из судов Ленинградской области назначил компенсацию в 250 тыс. руб.

Сейчас в АЮР создана специальная группа, занимающаяся этим вопросом. В Минюсте, кстати, согласны, что суды в своих решениях должны руководствоваться единообразными критериями, а не субъективным подходом. По мнению главы Минюста Александра Коновалова, «колоссальный разброс в размерах назначаемых возмещений по похожим

делам вызывает недоумение». Данную идею поддерживают и в Верховном суде (ВС). Правда, секретарь пленума ВС Виктор Момотов уже предупредил и о возможном риске получить «обратный эффект»: «Нередко установление в законе минимальной границы приводит к использованию его без дальнейшего увеличения. Такая граница будет восприниматься как некая «безапелляционная основа», повышение которой потребует, в том числе от суда, дополнительного обоснования».

Юрист Сергей Савченко назвал суммы, указанные в проекте депутатов, «неподъемными» для российского бюджета. С учетом количества «невиновно преследуемых» власти вряд ли согласятся вводить подобные компенсации, «скорее всего будут настаивать на снижении». При этом вряд ли эффективным окажется и само это «латание дыр». Потому что следует искать решение первичных проблем. Это и повсеместное нарушение следователями сроков содержания под стражей, за которое они не несут ответственности, и отказы судов рассматривать все это как злоупотребление. Как подчеркнул эксперт, законов, защищающих права граждан, в стране много, но большинство из них не соблюдается. И в данном случае пострадавшим от незаконного преследования предлагается лишь некая «отдушина» в виде компенсаций. Причем Савченко допустил, что на практике «найдутся лазейки и оговорки, позволяющие судам и вовсе не назначать эти компенсации, чтобы не нести ответственности за весомые расходы бюджета».[84]

В последнее время в практике гражданской коллегии Верховного суда (ВС) чаще стали попадаться заметные дела, связанные с компенсацией морального вреда. Это может быть связано с нахождением в СИЗО, незаконным уголовным преследованием, некачественной медицинской помощью и смертью пациентов. ВС стабильно встает на сторону потерпевших и требует от нижестоящих судов пересмотреть свои выводы, упрекая их либо в полном отказе в компенсации морального вреда, либо в слишком низкой сумме выплаты.

Подтверждением интереса к этой теме со стороны ВС стало то, что ей посвятили очередную встречу клуба имени Замятнина, прошедшую в апреле 2019 г.. На подобных встречах судьи и приглашенные эксперты в неформальной обстановке и в присутствии журналистов обсуждают вопросы, которые, очевидно, сейчас находятся в повестке ВС.

Выступление Виктора Момотова на вчерашней встрече подтверждало последнюю практику ВС: суды слишком осторожно подходят ко взысканию компенсации морального вреда, назначая очень небольшие суммы — как правило, не более 15 тыс. руб. Это не позволяет истцу загладить перенесенные страдания и восстановить социальную справедливость. Такие суммы не способны удержать ответчика от противоправного поведения. Экономические риски слишком малы. А отсутствие практики взыскания крупных компенсаций обесценивает сам факт присуждения компенсации.

Трудно сказать, означает ли это, что гражданская коллегия ВС впредь будет настраивать суды на присуждение высоких сумм компенсации. Пока ее практика, а именно на нее ориентируются нижестоящие суды, выглядит противоречивой. Например, в сентябре прошлого года судьи увеличили размер компенсации за незаконное содержание в СИЗО, присужденной нижестоящими судами, в 15 раз – со 150 тыс. руб. до 2,3 млн руб. Однако до этого в похожем деле ВС не согласился даже с суммой 4,5 тыс. руб., взысканной судами, и отправил на пересмотр, предложив проверить, был ли истец добросовестным. О последнем деле написал в своем блоге Роман Бевзенко. Наконец, недавно маятник качнулся обратно, и коллегия посчитала, что доказывать факт причинения страданий от незаконного уголовного преследования не надо, а назначенная судами компенсация в 50 тыс. руб. является слишком маленькой. Истец, уголовное дело в отношении которого прекратили по реабилитирующим основаниям, добивался компенсации в 3,2 млн рублей.

В выступлении Виктора Момотова прозвучала еще одна важная идея: нарушитель не должен получать выгоду от своего поведения. Если один

гражданин причинил другому ущерб на 1000 руб., но при этом получил выгоду в 5000 руб., то у него останется прибыль в 4000 руб. Задача законодательства — исключить возможность возникновения подобных ситуаций, возложив на правонарушителя дополнительные финансовые санкции. Возможно, компенсация морального вреда может быть одним из инструментов, позволяющих лишить ответчиков выгод от их противозаконных действий. Размер обогащения, или выгоды, мог бы быть ориентиром при определении суммы компенсации. По мысли Виктора Момотова, это позволит удержать людей от новых нарушений.

Другая проблема при определении размера компенсации — его непредсказуемость. Бывает, что взыскания за одинаковые по сути действия существенно различаются. Стандартизировать подход предлагал в своем выступлении Александр Эрделевский, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова. За конкретные виды вреда должна следовать стандартная компенсация. Ориентиром могут быть максимальные санкции Уголовного кодекса за схожие посягательства. При этом можно применять коэффициенты для увеличения или снижения размера компенсации. Александр Эрделевский полагает, что рекомендации с такими расчетами должен дать ВС. «Добросовестные судьи будут придерживаться этого ориентира», — уверен профессор.

Предложение можно обсудить, соглашался Виктор Момотов. «Может, это сделать в рамках Пленума, тем более что давно не поднимали вопрос. Назрела необходимость дать соответствующее толкование», — подвел итог председатель Совета судей.

В 2018 году Верховный суд присудил компенсацию морального вреда в 2,3 млн руб. за незаконное содержание в СИЗО в течение 3 лет и 2 месяцев. Изначально компенсация составляла 150 000 руб., однако коллегия по гражданским спорам в составе судей Горшкова, Романовского и Киселева решила, что этого слишком мало.

Истец Алексей Золотарев после длительного содержания в СИЗО был оправдан присяжными и получил право на реабилитацию. Он добивался компенсации исходя из расчета 2000 руб. за каждый день содержания под стражей – в общей сложности 2,366 млн руб. Однако первые две инстанции решили, что 150 000 руб. полностью компенсируют моральный вред от трех лет в СИЗО. При этом они отклонили доводы истца о нравственных страданиях, связанных с утратой социальных связей, с отсутствием возможности длительное время создать семью в связи с нахождением в изоляции от общества в период проведения предварительного и судебного следствия. Суд решил, что истец не доказал эти доводы.

В Верховном суде (дело № 78-КГ18-38) истцу помогли ссылки на нормы Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практику Европейского суда по правам человека. Верховный суд согласился, что при определении размера компенсации морального вреда следует руководствоваться практикой ЕСПЧ, и поднял компенсацию, присудив заявителю запрошенную сумму.

ВС сослался на ст. 8 Конвенции, которая гарантирует защиту частной и семейной жизни. При этом понятие «семейная жизнь» не относится исключительно к основанным на браке отношениям и может включать другие семейные связи, в том числе связь между родителями и совершеннолетними детьми, отмечено в определении коллегии. У истца есть и сын-студент, который жил вместе с отцом, и родители, которым Золотарев помогал материально, напомнил ВС. Эти обстоятельства «не вызывают сомнений в силу их очевидности», отметила коллегия, и нижестоящим инстанциям следовало учесть их при определении размера компенсации.

ВС также сослался на Пленум № 10, в котором указано, что моральный вред может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, в связи с невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство

или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав и др.

Также суды при определении размера компенсации морального вреда оставили без внимания личность истца, который ранее никогда не привлекался к уголовной ответственности, заметил ВС: незаконное привлечение его к уголовной ответственности за особо тяжкое преступление и длительное нахождение под стражей было «существенным психотравмирующим фактором», чего не учел суд.

Ирина Фаст, адвокат АК Гражданские компенсации, считает решение гражданской коллегии революционным: оно может стать началом новой судебной практики, поднимающей размеры компенсаций по всем категориям дел до хотя бы минимально разумных.

Несмотря на очевидность того, что компенсации должны быть разумными, что нужно применять нормы международного права, что должны быть ориентиры хотя бы от Верховного суда по размерам таких компенсаций, этот судебный акт на моей памяти является первым, в котором высший судебный орган дал какие-то рекомендации относительно размеров компенсаций.

Таким образом, видится справедливым, обращение внимания судов на обоснованность размера суммы компенсации морального вреда и недопущение неосновательного обогащения лиц за счет слишком завышенных сумм. На наш взгляд, для того чтобы устранить существующие проблемы при определении размера компенсации морального вреда, нужно создать более четкие критерии. Но, на сегодняшний день, у судей почти неограниченные полномочия в данном вопросе.

Данные проблемы можно решить следующим образом.

Во-первых, создать определенные критерии, в соответствии с которыми будет устанавливаться наличие или отсутствие нравственных страданий лица.

Во-вторых, установить общие нормы физических и нравственных страданий для психически здоровых людей и установить для них соответствующую фиксированную компенсацию, которая будет меняться только в зависимости от степени тяжести страданий. При этом необходимо воспользоваться помощью экспертов-психологов.

В-третьих, для установления степени страданий следует проводить судебно-психологическую, судебно-психиатрическую, судебно-медицинскую и иные экспертизы.

В-четвертых, при расчете размера компенсации за моральный вред, необходимо предусмотреть его влияние не только на потерпевшего, но и на его близких родственников, в том числе на несовершеннолетних детей.

Кроме того, для выявления мнения граждан о размерах компенсации морального вреда лицам, пострадавшим в тех или иных ситуациях, возможно инициированное государством проведение массовых социологических опросов, что позволит сформировать наиболее справедливые размеры компенсаций.

Данные меры помогут сделать подход судов к вопросам определения размеров компенсации морального вреда более систематизированным, и судебная практика перестанет быть столь неоднозначной.

3.2. Порядок возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, суда и их должностных лиц

Анализ норм, содержащихся в главе 59 ГК РФ («Обязательства вследствие причинения вреда»), [2] позволяет утверждать, что для законодателя вред — это определенного рода фактический результат. Выражения «причинение вреда», «причинитель вреда» свидетельствуют о том, что вред представляет собой следствие, которое наступает в результате воздействия определенной причины. Учитывая, что причинение вреда

рассматривается законодателем как вмешательство (с целью умаления) в чужую фактическую сферу, которое влечет за собой для причинителя вреда возникновение обязанности возместить причиненный вред (абз. 1 п. 1 ст. 1064 ГК РФ), под вредом понимается нежелательное, негативное для потерпевшего последствие.

Право требовать возмещения ущерба закреплено ст.ст.15–16 ГК РФ. Лицо, которому был причинен ущерб действием / бездействием правоохранительных органов, обладает правом истребовать компенсацию. Ущербом признаются расходы, понесенные гражданином для восстановления нарушенного права, а также натуральные убытки, выраженные в порче или потере собственности, упущенная выгода.

Ответственность государства за вред, причиненный незаконными действиями правоохранительных органов – особый вид правоотношений, выражающийся, с одной стороны, в обязанности государства претерпеть определенные лишения в виде негативных имущественных последствий в связи с необходимостью возмещения потерпевшему причиненного данными актами вреда, с другой стороны – в праве потерпевшего претендовать на такое возмещение.

Поскольку ответчиком в подобных делах выступают государственные структуры правоохранительных органов, то здесь есть свои особенности:

- ответственность возможна только в процессе исполнения основной функции – издание подзаконной нормы и фактический поступок должностного лица или представителя правоохранительных органов;

- ответчиком в таких делах является конкретное публично-правовое образование;[60, с.23-24]

- отсутствие презумпции противоправности поведения субъекта, причинившего вред. Истец представляет доказательства противоправности решения или нормативного документа, который привел к причинению ущерба. Если противоправные действия правоохранительных органов

являются ответом на неправомерные действия гражданина, то в удовлетворении иска будет отказано.[61, с. 81-84]

Следует отметить, что Гражданский кодекс (ГК) РФ предполагает возмещение несовершеннолетнему морального вреда в случае признания незаконным его помещения в качестве правонарушителя в центр временного содержания (ЦВС) органов внутренних дел, говорится в постановлении Конституционного суда (КС) РФ, опубликованном на его официальном сайте.

Такое решение было принято после изучения жалобы жительницы Перми, поданной в защиту интересов ее несовершеннолетней дочери. Женщина просила проверить конституционность пункта 1 статьи 1070 и 3 абзаца статьи 1100 ГК РФ и статьи 22 Федерального закона №120-ФЗ "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних".

Нормы ГК РФ утверждают, что вред, причиненный гражданину в результате незаконного лишения свободы, возмещается за счет государства, и эта компенсация осуществляется независимо от вины причинителя вреда. А положения федерального закона закрепляют особенности функционирования ЦВС для несовершеннолетних правонарушителей. Все оспоренные нормы в своей взаимосвязи признаны соответствующими Конституции РФ. Решение КС основано на ранее вынесенных правовых позициях суда.

Как следует из материалов дела, в 2016 году постановлением Индустриального районного суда Перми по ходатайству полиции несовершеннолетняя дочь заявительницы была помещена в ЦВС на 30 суток. Пермский краевой суд признал решение первой инстанции незаконным и необоснованным, отменил его и направил на новое рассмотрение.[85]

"Апелляционная инстанция указала, что районный суд не дал должной оценки всем обстоятельствам дела, не исследовал все отказные материалы по всем общественно опасным деяниям, совершенным несовершеннолетней, и обстоятельства совершения подростком правонарушений, отсутствует вывод

суда о наличии в деянии несовершеннолетней признаков преступления, не исследован вопрос о материально-бытовых условиях ее жизни, а материалы о помещении подростка в Центр не содержат медицинских документов, подтверждающих возможность такого помещения", — говорилось в жалобе заявительницы.

В ходе нового рассмотрения было установлено, что в поведении девочки наметилась позитивная динамика, она стремится к учебе и исправлению неудовлетворительных отметок. И суд отказал в удовлетворении ходатайства о помещении несовершеннолетней в ЦВС еще на одну неделю.

Посчитав, что в результате нахождения ее дочери в ЦВС в течение трех недель по судебному решению, впоследствии отмененному, девочке был причинен моральный вред, в 2017 году мать обратилась в суд с иском о его компенсации к Министерству финансов Российской Федерации, Главному управлению МВД России по Пермскому краю и Управлению МВД России по городу Перми. Свердловский районный суд Перми исходил из того, что перечень случаев, когда ответственность за причинение гражданину вреда возлагается на казну Российской Федерации независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, приведен в пункте 1 статьи 1070 ГК Российской Федерации исчерпывающим образом и случаи незаконного помещения подростков в специализированные центры для несовершеннолетних правонарушителей этим перечнем не предусмотрены; закрепленных же пунктом 2 данной статьи оснований для возложения ответственности на казну Российской Федерации в связи с действиями судьи также не имеется, поскольку вина судьи приговором не установлена. Апелляционной инстанцией это решение было оставлено в силе. Тогда женщина обратилась в КС РФ, предположив, что именно нормы ГК РФ не позволили ее дочери получить компенсацию.

В постановлении КС было отмечено, что ограничение свободы — особенно несовершеннолетних — допустимо лишь в качестве крайней меры. По мнению КС, режим пребывания в спецприемнике позволяет рассматривать нахождение там как лишение свободы, и соответственно, помещение несовершеннолетнего в ЦВС должно предполагать и аналогичный компенсаторный механизм.

"Оспоренные нормы предполагают — поскольку иное не соответствовало бы Конституции РФ — возмещение несовершеннолетнему вреда, в том числе морального, независимо от вины должностных лиц правоохранительных органов и суда в случае признания незаконным его помещения в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел. При определении размера компенсации морального вреда суд должен учитывать продолжительность нахождения в указанном центре, условия содержания в нем и условия проживания несовершеннолетнего в семье, возможность продолжения учебы, контактов с родителями, а равно иные обстоятельства, касающиеся примененных правоограничений, имея в виду их негативное или позитивное влияние на несовершеннолетнего", — говорится в постановлении КС РФ, отметив, что при разрешении вопроса о помещении несовершеннолетнего в ЦВС важно обеспечить ему и его представителям все правовые гарантии: состязательность процесса, позволяющую стороне воспользоваться квалифицированной юридической помощью, высказывать свои доводы, опровергать представленные материалы.

Дело заявительницы подлежит пересмотру.

В современном мире социальные взаимоотношения многообразны, динамичны, и круг вступающих в них субъектов велик, в связи, с чем возрастает вероятность того, что человек может быть подвержен влиянию неблагоприятного эмоционального воздействия со стороны окружающих на протяжении всей жизни. Никто не застрахован от незаконного увольнения, врачебной ошибки, распространения сведений, которые могут опорочить

честь, достоинство, деловую репутацию. Данные жизненные обстоятельства могут нанести удар по психическому равновесию человека, и, как следствие, привести к разрушению личности.

Действующее гражданское законодательство Российской Федерации защищает нематериальные блага, принадлежащие гражданину. Одним из институтов подобной защиты выступает институт компенсации морального вреда. Институт возмещения (компенсации) морального вреда в российском гражданском праве существует уже не один десяток лет. Гражданский кодекс Российской Федерации отводит особое место компенсации морального вреда в ряду способов защиты гражданских прав. В соответствии со ст. 151 ГК РФ, если гражданину причинен моральный вред действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

Моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и другие.

К сожалению, в настоящее время в России не существует какой-либо нормативно утверждённой (рекомендованной) методики оценки размера компенсации морального вреда. При определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд также должен

учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред.

Согласно ст. 1100 ГК РФ, в которой предусмотрено, что компенсация морального вреда осуществляется вне зависимости от вины причинителя вреда в следующих случаях: – вред причинен жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности; – вред причинен гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу либо подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ; – вред причинен распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию.

На первый взгляд, законодательство даёт судам достаточно критериев для определения справедливой компенсации морального вреда. Однако они прописаны нечётко, отсутствует метод оценки критериев и нет никаких законодательно установленных указаний на зависимость размера компенсации от критериев. Таким образом, суды оказываются в затруднительном положении: им приходится ориентироваться исключительно на собственную субъективную оценку обстоятельств дела. В результате, поскольку принцип независимости судей предполагает их право на собственное мнение в толковании правовых норм и оценке обстоятельств дел, данная неопределенная норма открывает простор для неравномерной практики назначения денежных компенсаций морального вреда, а также для правовой неопределенности.

Как следует из анализа судебной практики, величины компенсаций за причинённый моральный вред довольно значительно отличаются в зависимости от конкретного случая. При этом зачастую, при схожих обстоятельствах присуждённые суммы могут отличаться в разы, и далеко не всегда такие отличия можно считать проявлением разумности и

справедливости, упомянутым в Гражданском кодексе Российской Федерации.

В качестве примера можно привести следующее гражданское дело: «Истец обратилась в суд с иском к ответчику о возмещении компенсации морального вреда в размере 500 000 рублей. В обоснование своих требований указала, что ответчик, управляя автомашиной нарушил п. 14.1 ПДД РФ совершил наезд на нее, переходившую проезжую часть по нерегулируемому пешеходному переходу. В результате данного ДТП она получила телесные повреждения, повлекшие причинение средней тяжести вреда здоровью по признаку длительного расстройства. В течение 3-х месяцев она не могла, как раньше ходить на работу, ездить с семьей на отдых, заниматься детьми, хозяйством, она не могла даже сходить в магазин, из дома практически не выходила. Так, Решением Кулебакского городского суда Нижегородской области было постановлено: «Исковые требования удовлетворить частично. Взыскать с ответчика в пользу истица в счет возмещения компенсации морального вреда 70 000 (семьдесят тысяч) рублей 00 копеек». Нижегородским областным судом данное решение было оставлено без изменений. Следующим примером является гражданское дело с аналогичными обстоятельствами, при которых истцу в результате действий ответчика были причинены телесные повреждения, относящиеся к категории вреда здоровью средней тяжести; продолжительное время она была нетрудоспособной; ею были понесены расходы на приобретение лекарств, вспомогательные средства, услуги фитнес-центра; В связи с этим истец просила суд взыскать с ответчика компенсации морального вреда 500000 рублей. Решением Останкинского районного суда г. Москвы от 20 февраля 2018 г., иск удовлетворен частично, с ответчика взыскано 300000 рублей в счет компенсации морального вреда.

Приведенные выдержки из судебных решений о взыскании компенсации морального вреда, возникшего в результате причинения вреда здоровью в результате ДТП показывают, что суммы по аналогичным делам

могут различаться в десятки или сотни тысяч рублей, ведь их определение всегда зависит от субъективного взгляда судьи на спор. Подобной практики снижения размера компенсации морального вреда придерживаются суды и других федеральных округов России, в том числе, Северо-Западного, Уральского, Южного, Дальневосточного федеральных округов. Снижение размера компенсации морального вреда прослеживается и по таким категориям дел как: трудовые споры, по делам, связанным с содержанием под стражей, при рассмотрении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Проанализировав судебные решения, можно сделать вывод о том, что существенный разрыв в суммах компенсации показывает, что отсутствует сформировавшаяся судебная практика по шкале присуждаемого морального вреда. В результате в Российской Федерации складывается непрозрачная, неопределенная область правоприменения, входящая в конфликт с частью 1 статьи 19 Конституции РФ, устанавливающей равенство всех перед законом и судом. В равной степени возникает проблема соблюдения принципа соразмерности — одного из ключевых конституционных принципов правоприменения.

Таким образом, исходя из вышеизложенного можно выделить следующие проблемы:

- Во-первых, отсутствуют критерии понятия физических и нравственных страданий, а также их перечня критериев степени и характера.
- Во-вторых, на практике судов Российской Федерации отсутствует единая система определения компенсации морального вреда, следовательно, возникают трудности при определении размера данной компенсации;
- В-третьих, это обилие норм, регулирующих данные отношения. Такой разброс по различным нормативно-правовым актам способствует коллизиям в правоприменительной деятельности;

– В-четвертых, несовершенное законодательство, которое регулирует вопросы возмещения морального вреда, создает некоторые проблемы, взаимодействуя с нормами других отраслей права.

Таким образом, в целях совершенствования правового регулирования компенсации морального вреда необходимо следующее:

Установить минимальный размер компенсации за моральный вред, соответственно необходимо внести соответствующее изменение в ст. 1101 ГК РФ. Установить минимальный размер компенсации морального вреда, конечно же, непросто. Это напрямую зависит и от категории дела, и от различных его обстоятельств. Стоит отметить, что будет правильным установление в законе минимального размера компенсации за неимущественный вред, связанного с кратным (к примеру, трех-, четырех- или более) размером минимальной заработной платы. При этом минимальный размер компенсации должен быть обязательным для суда, а не для потерпевшего. То есть, если потерпевший заявит размер компенсации менее установленного, суд должен удовлетворить требование потерпевшего согласно поданному иску. В случае если истец указывает в исковом заявлении размер компенсации, который превышает минимальную сумму, то суд был бы не вправе снизить размер ниже установленной в законе величины. Соответственно необходимо внести соответствующие поправки в ст. 1101 ГК РФ.

Размеры морального вреда, установленные в МРОТ, позволят учитывать уровень инфляции при окончательном определении размера компенсации морального вреда

Альтернативным вариантом разрешения ситуации может стать формирование высшими судебными органами критериев и ориентиров, на которые смогут опираться суды при принятии решений, а также все остальные участники процесса при ведении дела. Одним из ориентиров может стать практика Европейского Суда по правам человека при взыскании компенсационных выплат по схожим категориям дел. В настоящее время

есть все основания для формирования такой практики в российских судах. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» однозначно и недвусмысленно указано на необходимость ориентироваться на практику ЕСПЧ, в том числе и при определении размера компенсации морального вреда.

Также размер компенсации должен быть установлен с принципами разумности и справедливости, позволяющими, с одной стороны, максимально возместить причиненный моральный вред, с другой — не допустить неосновательного обогащения потерпевшего. Создать тарифную сетку по компенсации морального вреда в зависимости от стабильных показателей, таких как тяжесть, характер, продолжительность и т. д. Необходимо установить базовые ставки и коэффициенты при помощи, которых любой бы мог произвести примерный расчёт денежного размера компенсации морального вреда. Суду бы надлежало лишь корректировать размер компенсации в зависимости от индивидуальных особенностей потерпевшего, имущественного положения причинителя вреда и иных нестабильных факторов. Предусмотреть законодательно не только денежные выплаты, но и другие виды компенсаций в виде неденежной материальной формы — по желанию потерпевшего ему может быть оказана услуга либо передана какая-либо вещь; Основываясь на факте, того, что моральный вред затрагивает социально-психологическую сферу лица и далеко не всегда может быть компенсирован денежной суммой, полагаем целесообразным дополнить п.1 ст. 1101 ГК РФ иными формами компенсации и изложить его в следующей редакции: «Компенсация морального вреда осуществляется как в материальной, в том числе денежной, так и в нематериальной форме. Материальные формы компенсации могут быть осуществлены путем получения денежной суммы или, по выбору потерпевшего, определенного имущества, конкретной вещи. Компенсация в нематериальной форме

осуществляется путем публичного (в присутствии третьих лиц или средствах массовой информации, в том числе Интернет) и личного (в отсутствие посторонних лиц) извинения, либо передачей определенных прав, а также предоставлением определенной потерпевшим услуги». Законодательно закрепить принцип презумпции морального вреда, так как он обеспечивает реальную защиту нематериальных прав граждан и юридически упрощает и одновременно упорядочивает процесс судебного доказывания.

Для положительного решения суда о компенсации морального вреда следует признать достаточным, если истец представил в судебное заседание доказательства, подтверждающие факт неправомерного поведения ответчика, и если ответчик не докажет обратного или отсутствия претерпевания истцом нравственных или физических страданий, составляющих содержание морального вреда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам проведенного исследования мы можем сформулировать следующие выводы.

В рамках исследования темы о генезисе института гражданско-правовой ответственности государства за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, необходимо глубже исследовать вопрос о субъекте ответственности. Так, уже в ст. 407 ГК РСФСР 1922 г. законодатель установил право регресса учреждения к тому должностному лицу, которое своими незаконными действиями причинило вред гражданину. Данная норма звучала так: «Учреждение вправе, в свою очередь, сделать начет на должностное лицо в размере уплаченного потерпевшему вознаграждения».

Статья 89 Основ законодательства 1961 года прямо не указывала на возможность предъявления государством регрессных требований, при этом ответственность за причиненный должностными лицами правоохранительных органов вред по ст. 447 ГК РСФСР 1964 г. несли «соответствующие государственные органы», а статья 456 указанного закона предусматривала право регресса лица, возместившего причиненный другим лицом вред.

В статье 1070 ГК РФ сказано, что вред «возмещается за счет казны Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законом, за счет казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования», а по статье 1071 ГК РФ за счет и от имени казны выступают соответствующие финансовые органы, которые и будут являться ответчиками по искам о возмещении вреда. Следовательно, в рассматриваемых случаях причинитель вреда и субъект ответственности не совпадают.

Таким образом, анализируя процесс становления рассматриваемого нами института можно прийти к выводу, что за продолжительный период

существования нормы о возмещении государством вреда, причиненного правоохранительными органами, она претерпела колоссальные изменения: от принципа возмещения вреда «учреждениями», закрепленного в ГК РСФСР 1922 г. законодатель стремительно переходит к установлению принципа ответственности государства и возмещению вреда в полном объеме в Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г., после чего в Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. устанавливает ответственность государства и перед юридическими лицами, тем самым делая ответственность государства всеобъемлющей.

Можно сделать несколько выводов. Во-первых, самым важным и главным условием возмещения вреда государством за вред, причиненный при отправлении правосудия, является наличие вины, которая устанавливается вступившим в законную силу решением суда. Это согласно букве закона, а именно п. 2 ст. 1070 ГК РФ. Но, с некоторой оговоркой, что данная норма требует частичного пересмотра либо уточнения. На что неоднократно обращал внимание Конституционный Суд Российской Федерации. Однако, если до сих пор попытки изменения не предприняты, то представляется, что и в дальнейшем данный пробел продолжит свое существование в гражданском кодексе РФ. И, во-вторых, отправление правосудия осуществляет непосредственно суд, а именно судья. И к нему предъявляются особые требования, поскольку именно от его решения зависит исход дела по существу. Ведь при малейшем неправильном истолковании законодательства РФ есть вероятность именно причинения вреда своими действиями (бездействиями) при отправлении правосудия.

Таким образом, в вопросе возмещения вреда, причиненного незаконными действиями должностных лиц правоохранительных органов, есть еще немало проблем, которые необходимо решать совместно с государством. По нашему мнению, российское законодательство в сфере ответственности государства за вред, причиненный органами

государственной власти, в том числе правоохранительными органами, обладает следующими недостатками.

Во-первых, законодательством не предусмотрена возможность решения вопросов компенсации ущерба в досудебном порядке. Поэтому мы предлагаем в ст. 16.1 ГК РФ добавить пункт о возмещении ущерба в досудебном порядке, путем заключения мирового соглашения между государственным органом или должностными лицами, которыми был причинен вред и гражданином или юридическим лицом.

Во-вторых, в законодательстве не установлены размеры возмещения. Соответственно, мы предлагаем в ст. 16.1 ГК РФ добавить пункт, в котором будут регламентированы четкие нормы по размерам возмещения вреда, причинённого государственными органами и их должностными лицами. Размер возмещения предлагаем установить по материальному ущербу, в полном объеме, что регламентируется пунктом 1 статьи 1070 ГК РФ, а компенсацию морального вреда установить исходя из общей оценки ситуации, в которую попал пострадавший, в размере от 25 до 50 % от материального ущерба.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Законодательные материалы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018, с изм. от 03.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : федер. закон от 26 янв. 1996 г. № 13-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 02.08.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2019) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 02.08.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2019) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
5. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 02.08.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2019) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
6. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 18.03.2019) «О защите прав потребителей» // Российская газета. 1996. № 8
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.06.2015 N 14-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 256 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.И. Романовой» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 25. Ст. 3736.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 N 10 (ред. от 06.02.2007) «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Российская газета. 1995. № 29.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» // Российская газета. 2010. № 132.

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 N 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Российская газета. 2012. № 156.

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 N 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Российская газета. 2013. № 145.

12. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2015 г. № 88-КГПР 15-1. г. Москва. – URL: http://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=1319612 (дата обращения: 15.09.2018).

13. Определение Верховного Суда РФ от 06.12.2005 N 5-Г05-106 // СПС «Консультант Плюс».

14. О введении в действие Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик : постановление ВС СССР от 31 мая 1991 г. № 2212-1 // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. – 1991. – № 26. – Ст. 734.

15. О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей : указ Президиума ВС СССР от 18 мая 1981 г. № 4892-X // Ведомости ВС СССР. – 1981. – № 21. – Ст. 740.

16. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик [Текст] // Ведомости ВС СССР. – 1977. – № 41. – Ст. 617.

17. Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик : закон СССР от 08 дек. 1961 г. // Ведомости ВС СССР. – 1961. – № 50. – Ст. 525.

18. Практическая инструкция Европейского Суда по правам человека в соответствии с Правилom 32 Регламента Европейского Суда по правам

человека 28 марта 2007 года «Требования о справедливой компенсации» // СПС «Консультант Плюс».

Научная и учебная литература:

19. Пашенцев Д.А., Гарамита В.В. Вина в гражданском праве. М., 2010. С. 11.
20. Суханов Е. А. Гражданское право: В 4 т. Том 1: Общая часть. М, 2008. С. 233.
21. Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: «Юрид. лит.», 1975. С. 97.
22. Попандуполо В.Ф. Ответственность за нарушение обязательств: общая характеристика и проблемы // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 1. С. 79 - 101.
23. Суханов. Е. А. Гражданское право: учебник для вузов. М.: Волтерс Клувер, 2010. Т. 1. С. 587.
24. Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности . СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 65.
25. Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды: в 2 т. М.: Статут, 2005. Т. 2
26. Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1983. С. 49
27. Иоффе О.С. Гражданское право. Избранные труды. М.: Статут, 2009. С. 95.
28. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: общие положения. 3-е изд., стер. М.: Статут, 2009. С. 616.
29. Кузнецова О.А. Презумпции в гражданском праве. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 166.
30. Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: «Юрид. лит.», 1975. С. 98.

31. Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности / под ред. Р.Л. Хачатурова. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 64.
32. Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. М.: Юрид. лит., 1970. С. 8.
33. Агарков М.М. Обязательства по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. М., 2002. Т. 1. С 43.
34. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 1: Общие положения. М., 2005. С 110.
35. Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. Л., 1973. С. 34.
36. Суханов Е. А. Гражданское право. В 4 т. Т. 1: Общая часть : учеб. для студентов вузов. М. : Волтерс Клувер, 2006. С. 514.
37. Варшавский, К. М. Обязательства, возникающие вследствие причинения другому вреда / К. М. Варшавский. – М. : Юрид. издательство НКЮ РСФСР, 1929. – 228 с.
38. Кун, А. П. Возмещение вреда, причиненного гражданину актами власти : автореф. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. П. Кун. – Л., 1984. – С. 8..
39. Рубахова А.И., Дружинина А.А. Генезис института гражданско-правовой ответственности государства за вред, причиненный правоохранительными органами // В сборнике: Приоритеты мировой науки: эксперимент и научная дискуссия Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018. С. 98-102.
40. Витрянский В.В., Ем В.С., Козлова Н.В., Корнеев С.М. и др. Гражданское право: Учебник для вузов. М., 2010. Т. 4. С. 37.
41. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2009. С. 106.
42. Тархов В.А. Гражданское право и ответственность. М., 2010. С. 94.
43. Култышева Е.С. Проблема оснований гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда // Гарантии прав

в Российской Федерации и международном праве: сборник статей Международной научно-практической конференции. 2018. С. 121-123.

44. Гражданское право: Учебник: Т. 3 / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. С. 11.

45. Кирчак А.П. Вопросы ответственности государства за ненадлежащее правосудие // Законодательство. 2006. №3. С. 52.

46. Петрухин И.Л. Правосудие в системе государственных функций // Правоведение. — 1983. № 3. С. 37.

47. Бушуев Г.И. Судья в уголовном процессе. М., 1984. С. 3.

48. Мартынич Е.Г. Правосудие: предмет, правоотношения, функции и социальная роль // Правоведение. 1990. № 2. С. 13.

49. Стасюк И.В. Последствия неисполнения судом процессуальных обязанностей // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. N 11. С. 21-25.

50. Делоне Б. Вина в гражданском праве Франции // Lex russica. 2016. N 1. С. 82-89.

51. CE Sect. 27 fevrier 2004, Mme Popin, Rec. 86, concl. R. Schwartz.

52. Нехай М. Х. Основания для получения компенсации морального вреда // Социально-экономические проблемы развития Южного макрорегиона. Краснодар. 2015. С. 100.

53. Будякова Т. П. Индивидуальность потерпевшего и моральный вред. СПб.: Юридический центр Пресс., 2005. С. 24.

54. Усков В. Как компенсировать моральный вред богатому и бедному? // Российская юстиция. 2000. № 12. С. 25.

55. Хавжокова З. Б. Защита чести, достоинства и деловой репутации: теория и практика гражданско-правового регулирования : Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 24-25.

56. Воробьев А. В. Институт компенсации морального вреда в российском гражданском праве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. С. 102.

57. Сосна Б. И. Возмещение морального вреда, причиненного нарушением социальных прав работника / Б. И. Сосна, Г. К. Аворник // Безопасность бизнеса. 2004. С. 35.

58. Малеина М. Н. Система критериев определения компенсации неимущественного вреда как способа защиты гражданских, семейных и трудовых прав граждан // Журнал российского права. 2015. № 5 (221). С. 64.

59. Гладышева Ю. Ю. Философский и правовой аспект понятия морального вреда // Общество, право, личность: вопросы взаимодействия в современном мире. Краснодар. 2016. С. 85.

60. Сухарева Н.В. Возмещение убытков или вреда в споре с властью // Право и экономика. 2017. № 11. С. 23–34.

61. Дейнеко А.Ю., Цуканов О.В. Специфика субъектного состава обязательства по возмещению вреда, причиненного правоохранительными органами // Научный альманах. 2019. № 4-1 (54). С. 81-84.

62. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. М., 2004. С. 186.

63. Редько Е.П. Компенсация морального вреда как способ защиты гражданских прав. Абакан, 2009. С. 35.

64. Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: справ. правовая система. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та. М., 2013. – С. 186.

65. Трубицына К.А. Компенсация морального вреда в России: отдельные проблемы теории и практики // Аллея науки. 2018. Т. 3. № 5 (21). С. 764-768.

66. Степанов М.А. Заключение экспертиз как средство доказывания по делам о компенсации морального вреда // Закон и право. 2002. С. 15-20.

67. Чорновол Е. П. Юридикто-фактические основания возникновения обязательств по возмещению имущественного и компенсации морального вреда, причиненного незаконными актами публичной власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 8. С. 53 - 59.

68. Богданов В. П. Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями правоохранительных органов и судов: некоторые вопросы теории и практики. / В. П. Богданов, И.С. Богданова // Адвокат. 2013. № 1. С. 25-28.

69. Рипинский С. Ю. Имущественная ответственность государства за вред, причиняемый предпринимателям. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 69.

70. Андреев Ю. Н. Гражданско-правовая ответственность государства по деликтным обязательствам. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С. 35.

71. Сергеев А. П. Гражданское право: Учебник. Ч. 2. / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого // Проспект. М., 1997. С. 717 - 718.

72. Поляков И. Н. Ответственность по обязательствам вследствие причинения вреда // Городец. М., 1998. С. 53 - 54.

73. Письмо Министерства финансов Российской Федерации от 3 октября 2014 г. № 08-04-06/3395. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

74. Письмо Минфина РФ от 28.09.2009 N 08-06-08/457 «О практике взыскания судами морального вреда, причиненного незаконным привлечением к уголовной ответственности» // СПС «Консультант Плюс».

Материалы правоприменительной практики:

75. Решение Дзержинского районного суда г. Ярославля от 27 мая 2015 года № 2-2077/2015 // СПС «Консультант Плюс».

76. Решение Дзержинского районного суда г. Ярославля от 26 января 2017 № 2-352/2017 // СПС «Консультант Плюс».

Электронные ресурсы:

77. Понятие и виды юридической ответственности. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<http://www.grandars.ru/college/pravovedenie/yuridicheskaya-otvetstvennost.html>.

(дата обращения: 14.05.2018)

78. Условия возникновения гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный актами правоохранительных органов // <https://vuzru.ru/usloviya-vozniknoveniya-grazhdansko-pravovoj-otvetstvennosti-za-vred-prichinennyj-aktami-pravoohranitelnyh-organov/> (дата обращения: 10.10.2019).

79. Юрков А. Подтверждённое Конституционным Судом РФ привилегированное положение судов в вопросе об ответственности государства за неправомерные судебные акты и некоторые противоречия в практике указанного суда // <https://blog.pravo.ru/blog/30995.html> (дата обращения: 10.10.2019).

80. Основания и условия возмещения государством вреда, причиненного при отправлении правосудия // <https://vuzru.ru/osnovaniya-i-usloviya-vozmeshheniya-gosudarstvom-vreda-prichinennogo-pri-otpravlenii-pravosudiya/> (дата обращения: 10.10.2019).

81. Рождественский И. Россия признала 20 тыс. руб. разумной компенсацией за пытки [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/17/03/2017/58cbb9da9a7947c952a6d9ff> (дата обращения: 15.08.2019).

82. Страдания от незаконного уголовного преследования — общеизвестный факт // ВС разрешил не доказывать размер морального вреда // https://zakon.ru/discussion/2019/04/09/stradaniya_ot_nezakonnogo_ugolovnoغو_presledovaniya_-_obscheizvestnyj_fakt_vs_razreshil_ne_dokazyva (дата обращения: 20.11.2019).

83. Адвокат добилась возмещения морального вреда доверителю, незаконно обвиненному в экстремизме // <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-dobilas-vozmeshcheniya-moralnogo-vreda-doveritelyu-nezakonno-obvinennomu-v-ekstremizme/> (дата обращения: 20.11.2019).

84.Государство готово платить гражданам компенсацию за незаконное уголовное преследование // http://www.ng.ru/politics/2019-10-07/1_7695_money.html (дата обращения: 20.11.2019).

85.Несовершеннолетнему полагается компенсация за незаконное помещение его в спецприемник — КС // http://rapsinews.ru/judicial_news/20191203/305142603.html (дата обращения: 20.11.2019).